

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

БОЙ ВЕЧЕН

У КЛАДЕЗЯ БЕЗДНЫ

Александр Афанасьев
У кладезя бездны. Бой вечен
Серия «Бремя империи»
Серия «У кладезя бездны», книга 1

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6135752

*У кладезя бездны. Бой вечен / Александр Афанасьев: Эксмо; Москва;
2013*

ISBN 978-5-699-63490-3

Аннотация

2013 год. Казалось бы, у Российской империи не осталось серьезных противников – недавняя Вторая мировая закончилась безоговорочной победой русского оружия, Британия повержена и уже не в силах плести интриги по всему земному шару. Но думать так – непростительная наивность для государственных мужей. Пока целы и невредимы зловещие кукловоды, поставившие мир на грань ядерного уничтожения ради своей тяги к власти и наживе, не будет державе покоя. Теперь знаменитому разведчику, вице-адмиралу князю Воронцову предстоит сразиться с врагом тайным, незримым и вездесущим, цепкие щупальца которого опутали всю планету. Это одна из древнейших организаций на Земле, ее история насчитывает тысячелетия, она контролирует экономику и правительства десятков стран, в борьбе с ней пали

многие честные и отважные русские люди, в том числе и отец князя. Получится ли у сына взять реванш у сил Тьмы?

Содержание

Крымский полуостров	8
Ливадия	36
Танжер	74
Примерно то же самое время	110
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Александр Афанасьев

У колодезя бездны.

Бой вечен

© Афанасьев А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от колодезя бездны. Она отворила колодезь бездны, и вышел дым из колодезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из колодезя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей было не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение

от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них. По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней – как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее – как лица человеческие. И волосы у ней – как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну. У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была – вредить людям пять месяцев. Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион. Одно горе пришло; вот, идут за ним еще два горя. Шестой Ангел вострубил, и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом, говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрате. И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на день и час, и месяц, и год для того, чтобы умертвить третью часть людей. Число конного войска было две тьмы тем; и я слышал число его. Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв – от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, – умерла третья часть людей. Ибо сила коней заключалась во рту их

и в хвостах их; а хвосты их были подобны змеям и имели головы, и ими они вредили. Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить. И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем».

Откровение 9:1—21

Крымский полуостров

2013 год

– *Ракета слева! Ракета!*

– *Я пустой!*

– *Крою!*

– *Справа! Справа!!!*

– *Ложись!*

Вспышка – в который уже раз перед моими глазами. От этого никуда не деться.

Не уйти...

Я открыл глаза. Нейтрально – зеленые, не ярко-зеленые, а такого приглушенного цвета шторы и точно такого же цвета обои. Я их ненавижу...

Будильник. На тумбочке – по нему выверяют время процедур. Наручные часы нельзя, они нарушают ток крови – поэтому приходится пользоваться будильником. До следующих – еще час. Но я говорю сам себе и говорю врачам, что все нормально, – но нормального ничего нет. Хорошо, что я снова могу ходить... все-таки могу. Уже второй месяц я делаю прогулки по берегу. Сейчас – больше трех километров, ежедневно.

Палку я решил не брать. Без палки – больно, но я хожу так вот уже второй день. Когда мне показали устройство, ко-

торое мне предстоит использовать в качестве подпорки при ходьбе, слово дворянина, был бы пистолет в руке – застрелился бы. Но я вспомнил кое-что, чему нас учили в училище. Даже если ты висишь над пропастью – никогда не сдавайся. Один шанс из миллиона – что в этот момент произойдет землетрясение, и, если ты не упадешь раньше, – пропасть закроется.

Теперь – уже и без палки хожу. Вот так вот – всем смертям назло.

Набросив на плечи куртку – что-то с моря ветерок задувает – я начал спускаться вниз...

Дорога от санатория к морю – сама по себе проблема. Она очень крутая и замощена галькой – надо идти очень осторожно, а то ноги проскользнут. И нужно держать равновесие, а то, как говорил один альпинист, – до низа только уши твои доедут.

С альпинистом этим, точнее – с горным стрелком – я встретился в Персии. Сейчас, по моим данным, – в живых его не было, погиб. Просто удивительно – сколько людей погибло за последнее время вокруг меня, сколько людей погибло из тех, кого я знал. Мы становимся каким-то потерянным поколением... взорванным на фугасе, расстрелянным из засады, погибшим в атомном кошмаре. Как же получилось так, что времена тридцатых и сороковых – вернулись?

Небольшой электрический карт, проезжавший мимо, –

резко затормозил, я взглянул на пассажира. Так и есть – Исакович, лечащий врач. Точнее – один из лечащих врачей, зато для меня – самый главный. По позвоночнику.

– Господин Воронцов, по этой дороге даже я не рискую спускаться. Вы понимаете, что одно неловкое движение – и плоды месяцев труда лучших докторов пойдут насмарку!

– Понимаю. Но я не хрустальная ваза, доктор. И не желаю ей быть.

Профессор поцокал языком.

– Просто поразительно. Вам надо лежать еще месяца два, прежде чем пытаться вставать на ноги. Ну, куда вы спешите, голубчик?!

Я пожал плечами.

– Может быть, жить, доктор? У меня теперь есть не один, а два сына. Вам не кажется, что этого – достаточно, чтоб еще пожить, а?

На пляж ведет небольшая, прикрытая с обеих сторон зарослями розмарина и акации тропка. Весна – и на них уже появились набухшие зеленым почки. Природа пробуждается к жизни, к новому лету – и я и в самом деле рад, что я все это вижу своими глазами, чертовски рад!

Просто не представляете, как рад.

На пляже – никто не загорает, серое, холодное, почти штилевое море – но вот в кабинках для переодевания кое-кто уже есть... и даже не в одной. Местные, туристам пока тут

делать нечего. Когда-то давно – и мне для счастья было достаточно кабинки для переодевания на пустынном пляже и доверчивых серых глаз напротив. Там, чуть выше, интернат Его Величества для тех, у кого не осталось не только отца с матерью, но и деда.

Не буду никому мешать. Пойду. Вон там – положенная мной заметка – валун причудливой формы, наполовину обросший водорослями. Каждый день – я дохожу до него, беру его в руки, делаю еще двадцать пять шагов – и кладу обратно. Теперь – это моя новая отметка. Новая цель в жизни – каждый день дальше на двадцать пять шагов.

Майкла я, конечно же, заметил – спрятался неудачно, ноги видны. Эх, парень, поступал бы в Гарвард... если его, конечно, восстановили. Экономический или юридический факультет, потом какой-нибудь солидный банк первой величины или юридическая контора с партнерством к сорока годам, годовой бонус, на который можно купить дом, инвестиционные сделки по всему миру, организация финансирования, клиринговые и учетные операции. Все это – намного проще, чем становиться воином невидимого фронта.

– Эй, мистер!

Я чуть шаркнул ногой – просто проскользнула, – но дальше пошел вперед.

– Мистер!

Только бы не...

– Отец!

Я остановился...

Конечно же, я знал, что он рано или поздно придет... та ракета, пущенная с вертолета, повредила мне позвоночник и черт знает еще что – но мозги оставались при мне... более того... они стали работать еще лучше. Разум, не отягощенный мелочными проблемами бытия, становится острым, как бритва, особенно если постоянно подкармливать его информацией и заставлять работать. У меня в палате два ноутбука, и я работаю на них – до тех пор пока не выключают свет. Теперь-то я точно знаю – ради чего я должен выздороветь. И ради кого.

Майкл стоял чуть в стороне, не знаю, как он пробрался через сетку, ограждающую пляж, – но как-то пробрался. Он отпустил волосы, они у него моего цвета, но чуть выющиеся, как у матери. В джинсах и с волосами, заколотыми сзади в косичку, – он выглядел стопроцентным мачо – североамериканцем.

Песок на пляже был сухим, проваливался под ногами – а это мне пока не слишком хорошо дается, все-таки меня тогда здорово прибило, спасатели почти мертвым вытащили. Но в конце концов – это мой сын, что бы он ни думал, и ради него – можно перетерпеть и не такое.

Я подошел к Майклу, оставив между нами знаменитое личное североамериканское расстояние – полтора метра. Все-таки он – типичный североамериканец, даже смотрит,

как смотрят они, оценивающе. У него это получается неосознанно.

– Мама прислала?

Майкл мотнул головой.

– Нет. Я сам. Надо поговорить.

– Говори.

– Не здесь. Поехали... я местечко знаю.

Я примерно прикинул.

– У меня процедуры. Минут через пятьдесят.

– Я собираюсь уезжать, отец. Ты же всегда нарушал правила. Я подвезу тебя обратно...

Я кивнул.

– Да. Точно – я патентованный нарушитель правил. Поехали.

Оказывается – в ленте из очень крепкого пластика, огораживающего пляж, – кто-то проделал большой разрез ножом, может быть – Майкл, а может – и еще кто. Карабкаться вверх, по узкой, козлиной тропе для меня было не слишком-то хорошо, я и по обычной лестнице-то шел, стиснув зубы. Но – рано или поздно придется учиться и этому, так почему бы не сейчас.

– Тебе плохо? Помочь?

– Не нужно. Доберусь...

– Ты плохо выглядишь.

– Тебя обгоню. Давай, давай!

Майкл избегал называть меня отцом, папой. Я знал почему – не хотел, чтобы вся его прошлая жизнь оказалась ложью. Не знаю, как я сам бы вел себя, если бы потом выяснилось, что мой отец не флотский офицер – а, к примеру, британский агент.

Не утрирую. Ничуть. Отцы поели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина¹. Это из Библии, в последнее время я усиленно ее изучаю.

Машину Майкл спрятал в зарослях дикого винограда. Это был «Бентли Континенталь Супер Спортс», очень дорогая машина. Белого цвета, похожая на хищника, припавшего к земле для смертельного прыжка.

– Твоя?

– Точно. Дед вовремя все деньги в Швейцарию перевел, и мама – тоже. Так что – не бедствуем.

Еще бы. Уж кому-кому, как не агенту русской разведки, лишь нескольким людям на земле известному под оперативной кличкой Сокол – должно было быть известно, когда начинает пахнуть жареным.

– Знаешь... – внезапно даже сам для себя сказал я, – на это место были нацелены две британские ракеты, одна из Канады, другая – из Индии. Ту, что из Канады, – сбили на подлете, в последний момент, силами ПВО флота.

– Слышал об этом. Садись, не заперто.

Проскребя широкими покрышками по выбеленному вет-

¹ Иеремия 31.29.

ром склону, мы выскочили на дорогу, ведущую из Алушты в Севастополь. Майкл – придавил газ и помчался так, как не стоило бы ездить по этой узкой горной дороге. Даже на «Бентли».

Я сидел и молчал. Разглядеть что-либо было невозможно – мир за окнами мчащегося суперкара сливался в сплошную гудящую полосу...

Конечно же, нас остановили – не могли не остановить, на этой дороге полно радаров – потому что раньше здесь было полно желающих красиво умереть. Не проехали мы и до Фороса – как нам на хвост упала скоростная, полугоночная «БМВ» в раскраске дорожной полиции. Местная дорожная полиция дежурила именно на таких машинах – поскольку нарушители гоняли на еще более скоростных.

– Спортивный автомобиль белого цвета. Приказываю принять влево у смотровой и остановиться! Принять влево и остановиться!

– Черт... черт бы все побрал.

– Дави на газ, мой мальчик, дави на газ.

Майкл мрачно посмотрел на меня. Все-таки – уважение к закону у него было в крови... не знаю, каким разведчиком он будет, но точно хуже меня. Если в России не перевоспитается.

– Очень смешно.

– Или – сохраняй спокойствие и прими наказание как должное...

Майкл ювелирно вырулил на смотровую площадку, заглушил мотор. Полицейский автомобиль пристроился сзади.

Мордатый, черноусый, похожий на отставного казака полицейский не спеша подошел к машине, по пути черканув номер в блокнотик. Майкл опустил стекло и положил руки на руль, так, как это делает в САСШ. У нас такого нет, нравы все-таки более патриархальные.

– Так... документики, молодой человек, будьте любезны. Машина ваша?

Сакраментальное «нарушаем?» – дорожный полицейский сказать не успел. Осматривая салон, наткнулся взглядом на меня.

– Господин вице-адмирал?!

В Крыму меня, выходит, что помнили. Хотя бы в качестве хозяина Ак-мечети, нашего родового землевладения – я не жил там ни дня.

– Так точно. А это – мой сын. Михаилом зовут. – Я переименовал имя Майкл на русский язык. Иначе бы не поняли.

Майкл достал из-за козырька документы, протянул вместе с правами полицейскому, тот не взял.

– Нехорошо, молодой человек, – брюзгливо сказал он, – нарушаете, и сильно. Тут туристы ездят, местные... Автобусы, опять же. Нехорошо-с... Следующий раз, как поймаю, – не гневайтесь... Честь имею.

– Честь имею, господин исправник.

Отдав честь, полицейский пошел к своей машине.

– У нас бы не помогло.

– Ты не «у нас» Майкл. Ты – в России, нравится тебе это – или нет. И здесь это – очень даже хорошо помогает. По крайней мере, на первый раз.

По крайней мере, встреча с полицейским дорожной полиции пошла моему сыну на пользу в том, что вести он стал явно осторожнее. Спуск с перевала – вот тут-то можно и притопить на все деньги – но Майкл твердо придерживался ста километров в час, потому что девяносто – можно, а десять – это гарантированный резерв водителя, на случай погрешности аппаратуры. Откуда-то он это уже знает.

Потом – мы въехали в Севастополь, город, по улицам которого я бегал еще неразумным пацаном и в котором потом побывать – никак не приходилось. Горящие золотым шитьем мундиры на улицах и кортики на поясах, серая сталь боевых кораблей на рейде и Херсонесский маяк. Автомобилей не так много, больше электромобили, это заметно по свежему воздуху на улицах. Дело в том, что государственным служащим при покупке электромобиля предоставляется большая скидка – от Его Величества. Внедряем современные технологии.

Майкл – вырулил к бульвару фельдмаршала Корнилова. Оставил машину – я уже знал, куда мы идем.

Площадь, закованная в серый гранит. Пушки по обе стороны площади – как стальные часовые памяти. Ступени,

идушие прямо к морю. И Вечный огонь.

Это была площадь Севастопольской обороны. Она была воздвигнута не только в честь тех, кто отстоял город во время штурма объединенной англо-французской эскадры. Но и в честь тех, кто дрался насмерть на узких, пропитанных смертью улицах Константинополя, кто ночью высаживался с баркасов, с кортиком в зубах и револьверами в обеих руках подкрадывался к вражеским береговым батареям, кто сходил с британскими уланами в деле под Багдадом, кого взорвали, сожгли, застрелили из-за угла во времена Замирения. Точно такая же площадь существовала и по другую сторону Черного моря – моря, которое стало нашим, – в Стамбуле, переименованном в Константинополь. Только та площадь – была посвящена памяти турков, павших при обороне родного города, а потом помогавших нам восстановить Порту – уже в составе Российской Империи. Пролитая кровь требовала памяти – если она была пролита за правое дело, – даже если и на другой стороне баррикад.

И только мы не знаем, за правое ли дело воюем. Мы просто деремся... потому что деремся. Стреляем и отмахиваемся катраном – боевым водолазным ножом – от истории. Совсем недавно я прочитал у французского революционного писателя Виктора Гюго – сильнее всех армий мира идея – время которой пришло. Французы разрушили свою страну, бросили ее, как хворост, в костер – ради идей. Господь свидетель – я сделаю все, чтобы это не повторилось в России.

Когда я бывал на этой площади – еще маленьким, – меня поражало то, что здесь как будто воронка какая-то. Иногда уже за пять шагов – не слышно, что тебе говорят. Пространство поглощает звук – и иногда мне кажется, что так же оно поглощает время.

Чуть в стороне – стояли автобусы – привезли кадетов. Они не поприветствовали меня салютом – потому что я был в гражданском. И не надо, мой удел – безвестность...

– Не слишком подходящее место для выяснения отношений, тебе так не кажется? – спросил я Майкла.

– Я не хочу выяснять отношения.

– Уже прогресс. Так чего же ты хочешь?

Майкл оглянулся, потом посмотрел вверх. Ага... заметил особенность площади Севастопольской обороны. Сначала это немного пугает.

– Это здесь нормально. Просто говори тише... здесь никто не говорит громко. Тебя мать прислала?

– Нет. Она не говорит ничего про тебя.

– А ты хочешь знать?

– Да, хочу! Тебе не кажется, что я имею на это право!

– Говори тише.

Майкл снова огляделся по сторонам.

– Извини.

– Принято. Ты говоришь насчет прав – а как насчет обязанностей?

– Ты о чем?

– О том. Куда ты собрался?

Майкл сбился – как подросток, которого застигли за чем-то нехорошим.

– Откуда ты знаешь? Мама позвонила?

– Нет. По тебе видно. Тебе не стоит идти по моим стопам, по стопам своего деда.

– Почему?

– Ты родился и рос в Америке. Слишком открытый. У вас там не умеют врать, не любят этого делать. Тебя легко просчитать... да что там просчитывать, у тебя все на лице написано.

– Я сам решаю, что мне делать! – разозлился Майкл.

– Решай. Тебе что-то мешает?

Видимо, он думал, что я начну говорить о России, о роде Воронцовых, обо всем таком. А вот не буду! Вспомнил себя в его годы, мне тоже много чего говорили – толку?

– Я хочу знать свою историю. Что произошло тогда. Тебе не кажется, что я имею право это знать?

– Кажется. Может, тебе лучше спросить у мамы? Она может видеть эту ситуацию совсем с другой стороны.

– Мама ничего не скажет. Она и правда работала на вас?

– Вероятно, да. Об этом тебе лучше спросить у Его Императорского Величества. Или господина Путилова, если что-то и шло – то, вероятно, через него, через Собственную, Его Императорского Величества Канцелярию. А может – и действительный тайный советник ничего не знает.

– И ты ее завербовал тогда, да?

Господи... Вот теперь-то я понял, к чему он клонит. Это он сам выдумал или в уши напел кто? Он, наверное, думает, что я был куратором его матери в Бейруте, заодно, и спал с ней, по возможности, – такое часто бывает. Мерзость какая...

– Я ее не вербовал. Я не знал о том, что она работает на нас до того, как мне приказали вытащить вас из Североамериканских Соединенных Штатов. Ты думаешь, я позволил бы ей выполнять подобную работу, а?

Теперь уже кричал я. На нас даже кто-то обернулся.

– Ты же выполнял.

– Это другое. Мужчины обязаны рисковать собой ради своей страны. Как сказал один из директоров британской Секретной службы – наша работа столь грязна, что лишь настоящие джентльмены могут выполнять ее.

– Это словоблудие.

– Это правда. Соотнеси эти слова с собой, прежде чем шагнуть на этот путь.

– Давно соотнес. Так как насчет правды, а?

– Правды...

Я рассказал ему. Не все – но многое. Все нельзя – лучше не знать.

– Так она...

– Да. В Бейруте она работала против нас. Я ее не перевербовывал... просто так получилось. После всех этих собы-

тий Цакая пошел к Государю и добился акта о помиловании. Иначе ее могли бы повесить.

– Кто такой Цакая?

– Каха Несторович. Если останемся живы – я тебя свожу на его могилу. Или можем – поехать прямо сейчас.

– У меня нет времени.

Я постарался улыбнуться.

– Теперь твоя очередь говорить правду. Куда ты собрался?

Майкл помялся... было видно, что площадь угнетала его своими размерами, своим величием, сконцентрированной здесь историей. Интересно – кто ему подсказал пойти сюда?

– Ты помнишь мистера Уайта? Джона Уайта?

– Помню. Я встречался с ним пару раз.

– Он послал мне письмо. Я ответил. Моей стране сейчас нужна любая помощь, какая только возможна.

– Твоя родина здесь. Ты – русский и по отцу, и по матери.

И ты – дворянин и наследный князь рода Воронцовых.

– Моя родина там. Я родился и вырос в Североамериканских Соединенных Штатах. Я не намереваюсь отсиживаться здесь.

М-да... Я гнал от себя сомнения, но теперь – утратил их разом. Моя кровь. Я бы не предал свою страну – тем более в такой ситуации.

– Где ты хочешь работать?

– Пока – Американский Красный Крест. Гуманитарная помощь. Потом – думаю, найдется место в каком-нибудь по-

сольстве.

Ну да, точно. Американский Красный Крест Его Величество Император Николай Второй Романов выпроводил из страны в восемнадцатом. После того, как вскрылись факты прямого участия сей почтенной организации в масштабной поддержке мятежников в шестнадцатом. Эта организация – примерно то же самое, что и Федеральная Резервная Система – частная лавочка, которая каким-то таинственным образом заполучила право печатать деньги!

– Забудь.

– Отец...

– Забудь, тебе говорю. Иди в ФБР, в СРС, в АНБ – куда хочешь. Но в это дерьмо – не суйся.

– Странно. Я ожидал от тебя другого ответа.

– Но получил именно такой. Просто я знаю ситуацию немного лучше, чем ты. Пробуй устроиться на направлении Западная Европа – ты же знаешь русский и немецкий.

– Ладно, попробую... – Было видно, что Майклу это совсем не нравится, но он по каким-то причинам наступил на горло собственной песне.

– И еще, Майкл... – Я думал, сказать ему это или нет, но все-таки решил сказать, лишним не будет: – Помнишь, как у Артура Конан Дойля написано: «Избегайте торфяных болот». Помнишь, где это написано?

– «Собака Баскервилей»?

– Она самая. Так вот – послушай и запомни. Не знаю, где

ты будешь работать и куда тебя занесет судьба – но помни: избегай Ватикана. Ни шагу в Ватикан. Если ты увидишь кого-то из Ватикана – опасайся этого человека, как самого дьявола.

– А почему? – недоуменно спросил Майкл.

– Потому что там – кладезь бездны. Один раз я чуть не попал в него, выбрался заступничеством Христовым. И теперь, пока могу, предостерегаю тебя. И близко не подходи к Ватикану!

Майкл посмотрел на меня как на сумасшедшего. Но ничего не сказал – все-таки он был вежливым и воспитанным парнем.

– Поехали. Я отвезу тебя обратно.

– Не сейчас. Пошли, спустимся вниз.

Мы спустились ниже. Гранитные ступени шли до самой воды и скрывались в ней – будто ожидая выхода тридцати трех богатырей.

– Послушай, Майкл, – сказал я, – хоть ты и не считаешь себя русским, но ты русский. И более того – ты мой сын, представитель молодого поколения семьи Воронцовых, флотоводцев, дипломатов, разведчиков. Поэтому – всегда поступай так, как подсказывает тебе долг и честь. Заплати любую цену, неси любой груз, перебори любые лишения, помоги любому другу, борись с любым врагом². Ты знаешь, чьи это слова, – и эти слова как нельзя лучше выражают то, как дол-

² В нашем мире это слова Джона Фитцджеральда Кеннеди.

жен поступать мужчина. Это первое.

– Я постараюсь, – сказал Майкл.

– Ты меня не дослушал. Второе, о чем я хочу тебя попросить. Возможно, ты считаешь врагом своей страны меня. И что еще более страшно – ты можешь считать врагом своей страны свою мать. Ни то ни другое не является правдой. С самого начала существования Североамериканских Соединенных Штатов – Российская Империя помогала вашей стране. Только твердое предупреждение Его Величества, Императора Александра Второго Романова удержало Великобританию от попытки вернуть свои заокеанские колонии военной силой³. Твой дед – бывал в месте, которое называется ЗАПТОЗ, и бывал там не раз, он помогал североамериканцам сражаться против Японии, Англии и вскормленной ими своры. Российская Империя и Североамериканские Соединенные Штаты ни при каких обстоятельствах не должны воевать. Союз Российской Империи и Священной Римской Империи помог прекратить войны в Европе – уже почти столетие здесь никто не воевал друг с другом. Союз

³ Это правда. Твердое предупреждение, русские эскадры на тихоокеанском и атлантическом побережьях САСШ и четкое понимание того, что как только Англия перебросит свою армию в Канаду и Южные штаты – Россия немедленно пойдет в наступление в районе Средней Азии и Черного моря – удержало Англию от того, чтобы помочь Южным штатам и нанести удар по Северным во время Гражданской войны в САСШ. Для непосвященных – невмешательство Англии удивительно, потому что Англия имела Канаду как огромный плацдарм, жила ткацкой промышленностью, а основным поставщиком хлопка для текстильных фабрик Англии был рабовладельческий Юг.

Российской Империи, Священной Римской Империи и Североамериканских Соединенных Штатов – поможет прекратить войны на всем земном шаре. Раз и навсегда. Помни об этом и делай все, чтобы это свершилось. Как делали это твой дед, твоя мать и я, твой отец. У нас не получилось – возможно, что получится у тебя.

Майкл криво усмехнулся.

– Тогда я потеряю работу.

– Нет, парень. Работу ты не потеряешь. Такие, как мы, не теряют работу. Никогда. Вот теперь – пошли отсюда...

Уже поднимаясь вверх по узкой и крутой дороге, ведущей к санаторию, я заметил неладное – лейб-гвардия. Лейб-гвардия, которая должна быть в Санкт-Петербурге или в Константинополе, не важно где – но не здесь. И если лейб-гвардия здесь...

– Ваше высокопревосходительство?

Вышколенный лейб-гвардеец не стал называть ни имени, ни звания. Просто – здесь мало людей с таким титулом, и он наверняка знает меня в лицо.

– Собственной персоной.

– Вас изволят ожидать. В беседке.

– Кто?

– Дама, пожелавшая сохранить инкогнито.

И этого – достаточно. Русский дворянин никогда не откажется от тет-а-тета с дамой. Такие уж мы, русские дворяне...

Была весна... середина весны. К маю – здесь все зарастает роскошной зеленью, идешь – и не видишь, что впереди, даже на пять шагов. Но сейчас – была середина весны, весны 2013 года, и листья на деревьях только распускались. В беседке, которую когда-то построил для себя бывший владелец этого особняка, охочий до волнующих любовных приключений, сидела Ксения. На ней был костюм для верховой езды, почти мужской, и совершенно очаровательная старомодная шляпка. На ней еще есть вуаль, точнее даже, вуалетка, она прикрывает глаза...

Я, не спрашиваясь, не целуя руки, присел. Во-первых, потому, что свою дневную норму ходьбы я перевыполнил с лихвой, это чувствовалось, во-вторых, потому, что Ксения опять собиралась мне лгать. Точнее – пришла проверить, как подействовала предыдущая ложь, знаю ли я что-нибудь и может ли она меня снова облапошить, когда ей потребуется. Иногда мне кажется, что было бы лучше, если бы она вышла замуж... хотя бы за этого молодого прощельгу Толстого, которого держит при себе как комнатную собачку. Его бы она тоже использовала... во многих смыслах, но, в отличие от меня, он бы этого не понимал. Если не понимаешь – не так досадно.

– Здесь красиво... – сказала Ксения, смотря на беснующееся внизу серо-стальное, еще холодное море...

Я же – вспомнил другое. Дорожка от этой беседки – всего двадцать шагов – ведет к разъезду, дорога сюда настоль-

ко узкая, что две машины на ней разъехаться не могут, поэтому нужен разъезд – небольшой пяточок, на котором можно разъехаться. Именно на этом пяточке, отгороженном от пропасти мощным стальным барьером, я много лет назад говорил с Кахой Несторовичем Цакаей. Он сказал тогда – к дьяволу ждать, я подожгу их дом, прежде чем они подожгут мой. Вот и Ксения... мило балуется со спичками в комнате, полной пыли и сухой древесины...

– Да, красиво, – подтвердил я.

– Красивей, чем в Ливадии. Помнишь?

В Ливадии – есть примерно такое же местечко, только необорудованное, просто кусты и обрыв. Как мы потом узнали, уже будучи взрослыми, – туда опасно соваться, потому что есть угроза обвала породы. Подростками же мы еще этого не знали и использовали это место в своих подростковых целях. Николай, я, погибший в Междуречье Володька Голицын. Тогда мы еще не знали про опасность обвала и потому были счастливы.

– Помню, – подтвердил я.

Ксения поняла, что не срабатывает...

– Что-то вы не отличаетесь сегодня галантностью, господин вице-адмирал. Где ваши манеры?

К ноге...

– Ксения, ты знала тогда... ну там, в Ливадии, – что на том месте есть угроза обвала, и можно было запросто пролететь метров двадцать и сломать позвоночник, а?

Она чисто по-женски пожалала плечами.

– Не знала. Так... наверное, даже лучше. Всегда нужно... чем-то жертвовать, так ведь?

Как надоело...

– А Николай знает об этом?

– О чем?

– О том, что нужно чем-то жертвовать. Ради Империи или как? Или все же не знает?

Ксения повернулась ко мне.

– Ты догадался?

Да как не догадаться...

Понять эту интригу мне помешала война. Страшная, перекорезжившая мир за девяносто часов война – из-за которой я все еще здесь и, скорее всего, – буду признан негодным к военной службе. А так – все просто. Все настолько просто – что даже становится обидно, как все просто. Мы, мужичины, привыкшие к войне за государственные секреты, за ослабление и разрушение – или, наоборот, возвышение Империй – в какой-то момент оказываемся совершенно беспомощными перед милой женской интригой.

Как думаете, тогда, в Берлине, в посольстве на Унтер-ден-Линден, – для чего Ксения предложила пройти в пузырь, в защищенную от прослушивания комнату? Правильно, для того, чтобы никто не мог ее и меня подслушать. А кому – надо было это подслушивать – не задавались вопросом? И что – они должны были услышать?

Для того чтобы понимать эту интригу, ту, что затеяла Ксения Александровна Романова, – нужно понимать различия в мужской системе ценностей и женской системе ценностей. Мы, мужчины, играем в некоей условной системе координат. Для кого-то – это армия, для кого-то – полиция, для кого-то – частное дело, для кого-то – государство в целом... посольство... не важно, в общем. А вот женщины играют в одной, но вечной и древней, как мир, системе, называемой «отношения между мужчиной и женщиной». Законные, морганатические, совсем незаконные – не важно. Важно то, что в этой системе они переигрывают нас напрочь.

Для нас, мужчин, определяющими являются условные ценности. Закон, воинский и флотский устав, должностная инструкция. За передачу секретной информации противнику полагается смертная казнь за измену, в то время как за убийство человека – смертной казни нет, она отменена. Это отражает наш, мужской мир и наши правила игры – условные ценности в наших глазах выше настоящих, безопасность Империи – выше жизни человека. А вот у женщин – есть только одна форма предательства – зато безотказная и тоже вечная. Кто с кем спал.

Все еще не догадываетесь?

– Да как не догадаться... – сказал я, – белыми же нитками шито...

Ксения ничего не ответила.

– Скажи мне одну вещь... Ну, хорошо, я тебе, в принци-

пе-то, чужой человек, хотя и отец твоего ребенка. Но Николай ведь твой родной брат. Тебе совсем наплевать на него или как? Тебе наплевать на то, что ему может быть больно... неприятно... что он мог застрелить кого-то... или, упаси Господь, сам застрелиться? Неужели все равно?

Лицо Ксении менялось на глазах – она поджала губы, глаза холодно и непреклонно смотрели на меня.

– Перестань... Какие же вы все-таки глупые... Николай горевал ровно две недели. После чего нашел себе новую пассиву. Выигравшую несколько конкурсов красоты и гораздо менее опасную, чем эта дрянь. И ты в Бейруте... когда нашел эту... недолго обо мне помнил. Вы все – одинаковые, вам наплевать с кем. Это мы – ждем у окна и размазываем макияж по платку...

Николай, Николай...

Николай был неплохим человеком... даже хорошим. Как друг он готов был порвать за тебя, я это не просто так говорю. Но у него была одна очень неприятная черта характера. Почему-то в нем было очень сильное желание быть победителем. Во всем. Что в большом, что в малом. Только победителем – второе место для него не существовало, он с десяти лет говорил, что второй – это король проигравших. И запретов для него тоже не существовало...

Потому он спал со всеми дамами, до которых мог дотянуться. Предпочитая, прежде всего, тех, которые заняты или недоступны по любой причине. В том числе – и с дамами,

принадлежащими его друзьям. Это не было проявлением неуважения или предательством... просто он так самоутверждался. Не знаю, зачем ему было нужно самоутверждаться именно таким способом – но так было, каждая женщина, до которой он все-таки добрался, – это для него была маленькая победа. Маленькая – но победа, а сама женщина его мало интересовала. Вот почему – у Николая развалился, превратился в обгоревшие руины брак. В Америке так не принято, чтобы супруг постоянно, раз за разом ходил налево...

Да и у нас, в общем-то, не принято...

Своего первенца Люнетта родила в сентябре две тысячи третьего года, как раз через девять месяцев после того самого, проклятого Рождественского бала. Я уехал из Тегерана весной две тысячи третьего, направляясь в Америку и бросив Люнетту, получается, поступил как подонок. Николай же забрал ее сразу и даже не задал ни единого вопроса относительно ребенка.

Свинья ты, поросенок... Не поросенок – а именно свинья!

Зато в нужный момент этот вопрос немедленно задала Ксения. Все было еще страшнее – потому что мы с Николаем были так дружны, что уговорились назвать одного из своих детей в честь друг друга, вот почему нашего с Ксенией сына звали Николай, Ник. Своего первенца – Николай назвал Павлом, я и не помнил особо эту клятву, данную, когда нам было по четырнадцать лет, – а вот первенца от Анахиты Николай назвал Александром. Я уже после ранения, долечи-

ваясь здесь, в санатории – нашел информацию о том, что, буквально за два месяца до войны, Александр, первенец Николая и Анахиты, – упал с лошади во время прогулки. Его, естественно, доставили в Царскосельскую больницу. А там – для Ее Высочества договориться с кем-то из врачей... скажем, вот о чем: сыну нужна кровь для переливания... странно, сударь, но ваша кровь почему-то для него не подходит... что-то в таком духе.

И Николай, искусенный в любых видах интриг в наших условных, мужских мирах, – оказался полностью беспомощным против интриги своей сестры.

Поделиться с этим, кроме Ксении, он ни с кем не мог – позор страшный, а тут родная кровь, как-никак, родная сестра. Ксения, естественно, вызвалась помочь – встретиться со мной где-нибудь на нейтральной территории и поговорить обо всем начистоту. Сам Николай этого сделать не мог. Во-первых, потому что он чувствовал, что совершил серьезную подлость по отношению ко мне, еще там, в Тегеране. Во-вторых – потому, что была затронута его честь, и затронута очень серьезно. Ксения вызвала меня в Берлин и там мы с ней «поговорили начистоту» в защищенной от прослушивания комнате – Ксения не хотела оставлять следов, не хотела, чтобы кто-то понял, о чем мы с ней там говорили. Там – она сказала мне часть правды про Анахиту, именно такую часть, которую было нужно сказать, чтобы я пошел по следу. И сказала много лжи, направленной на то, чтобы я больше нико-

гда не возвращался в Россию. Заговор, меня считают одним из заговорщиков, и все в таком духе. Для нее было жизненно важно, чтобы я никогда не возвращался в Россию – один откровенный разговор между мной и Николаем, и мы оба поймем, что нас обманули. Вернувшись в Санкт-Петербург, она рассказала своему брату много интересного про наш разговор – при этом ни слова правды. Николай от услышанного пришел в ярость и буквально вышвырнул Анахиту из дворца вместе с ее (и своими!) детьми, сослав ее в Туркестан.

Вот так вот и ломаются судьбы...

Ксения не раскаивалась, даже сейчас, когда я поймал ее на лжи. Нет-нет... Трудно даже представить себе, как она ненавидит Люнетту... женщину, которая попыталась отнять у нее и бывшего любовника, и брата. Ненавидит своей, чисто женской ненавистью, ненавистью самки, на домашний очаг которой посягнула другая самка – мужская ненависть тут и рядом не стояла. Если бы она могла – она бы ее просто убила. Поэтому она не раскаивается, нет...

– Ты-то портить макияж не будешь, верно? – впервые за все время разговора улыбнулся я.

– Верно.... – Ксения тоже улыбнулась.

Негласный договор был заключен.

– Тебе не холодно здесь? Сильно дует.

– Пожалуй...

Как галантный кавалер – я подал даме руку. Мы вместе вышли на дорогу...

– После войны у кавалерственных дам⁴ вошло в моду проводить раненых. Полагаю, что мне тоже... возможно, стоит последовать моде. Хотя я всегда плевала на нее...

Я поцеловал руку Ксении.

– Да нет, Ваше Высочество. Думаю, не стоит изменять своим милым привычкам.

Ксения зло взглянула на меня. Но ничего не сказала.

Почему я принял условия игры? По разным причинам. Во-первых, если сказать правду, ничего, кроме горя, это не принесет, причем многим людям. Во-вторых – теперь в Россию вернулась Юлия. Ксения упомянула о ней в разговоре не случайно, совершенно не случайно – она ненавидит и ее. И мне не стоит заводить себе такого врага, как Ее Высочество, хотя бы ради Юлии и Майкла.

И наконец, в-третьих, сама того не подозревая, Ксения отодвинула в сторону камень, под которым оказалась не просто гадюка – а целое гнездо гадов. И с этим надо что-то делать – а с личными переживаниями разбираться потом.

Но сначала – мне надо добраться до этого проклятого крыльца...

⁴ Рыцарское звание для женщин.

Ливадия

2013 год, месяц спустя

Достойную осуждения ошибку совершает тот, кто не учитывает своих возможностей и стремится к завоеваниям любой ценой.

Николо Макиавелли

Ливадия...

Ливадийский дворец – когда-то мы лазали через его забор. Дворец, оставшийся Николаю от отца и деда. Одно из мест, где можно хоть немного отдохнуть.

Уже несколько дней я работал в Ливадийском дворце. Переехал сюда сразу после того, как проводил Майкла... дай Бог ему удачи на этой скользкой дорожке. Можно было бы работать и в Ак-Мечети, но там – слишком много насущных и неотложных дел, работать мне там не дадут.

Я был «командой Б» – в каком-то смысле. Давно, еще в конце семидесятых Меллон-старший, еще работавший тогда директором СРС, создал «команду Б» в составе Специальной разведывательной службы САСШ. Команду, возглавлявшуюся неким Подгурским, тогда еще мало кому известным. Эта команда, состоявшая из представителей научных кругов, но не правых, как тогда казалось, – а «правачеству-

ющих»⁵. Эта «команда Б» должна была, получая те же самые разведывательные данные, которые получали штатные аналитики СРС, – представлять директору СРС, а возможно, и президенту их независимую оценку и аналитический расклад по ним. «Команда Б» проработала до середины восьмидесятых, и ее вклад в разрушение Америки – трудно переоценить. Именно тогда – была заложена политика восьмидесятых – политика Фолсома, основанная на крайней русофобии, агрессивности, трансатлантическом братании с врагами. По моему глубокому убеждению – именно эта политика уже тогда, в восемьдесят втором, чуть не привела к ядерной войне. Атака японского императорского флота на Панаму и Гавайи, новый виток дестабилизации в южной части Атлантического океана, закончившийся прямыми столкновениями британского флота и Флота открытого моря Священной Римской Империи, открытая дестабилизация и мятеж Польши. Именно измена фолсомовской Америки сделала подобные геополитические движения возможными. Япония никогда не осмелилась бы напасть на Гавайи и Панаму – если бы знала о действующих договоренностях России и САСШ и возможности ответного удара с российской территории по Токио. Британия – никогда не осмелилась бы провоцировать польский вооруженный мятеж и вступать в схватку со Свя-

⁵ Термин этот я уже объяснял. Правачествующие – это люди, которые насаждают правые взгляды левыми методами. Еще одно объяснение – это либералы, которых реальность схватила за глотку. Термин «правачествующие» относится к неоконам, среди которых немало бывших троцкистов.

щенной Римской Империей – если бы доподлинно не знала, что САСШ будут на ее стороне. Более того – я не могу о том утверждать, но возможно, что был готов и план возвращения САСШ в Индокитай с одновременным ударом Русской армии по территории континентальной Японии. Все это было сорвано не дешевым голливудским актером, вскочившим в президентское кресло, как ковбой в седло, – а именно действиями «Команды Б», поставившей североамериканскому правительству совершенно безумную, параноидальную информацию о русской угрозе. И людьми, к ней присоединившимися.

Я тоже в каком-то смысле – «команда Б» в единственном числе. У меня нет ни помощников, ни технического персонала – только компьютер, доступ к базам данных и голова. И единственная моя задача – попытаться хотя бы приблизительно очертить контуры мирового заговора, к выводам о существовании которого я пришел во время своего лежания на больничной койке. Знаете – если остановиться и просто подумать – иногда это сильно помогает.

Николай приехал через несколько дней – как только смог вырваться. Он мало кому доверял, стал намного жестче, чем раньше. Его кортеж включал в себя несколько машин и бронетранспортер – дожили до того, что приходится принимать и такие меры безопасности. Услышав шум машин, я вышел на балкон второго этажа – машина Николая стояла у самого подъезда, как раз под моими ногами – мы стояли на ба-

люстраде⁶, я и несколько снайперов Собственного Конвоя. Второй машине места под балюстрадой, со всех сторон завешенной белым полотном, не хватило – и я увидел, как из второй машины высаживается Путилов. Значит – по-прежнему в обойме. Не Цакая, конечно, – но резать вполне в состоянии⁷.

Кстати – знаете, чем Цакая отличается... отличался от Путилова? Нет, не тем, что Путилов только выслужился в потомственное дворянство, а Цакая был дворянином во втором поколении. А тем, что то, что Цакая делал для России – Путилов делал и делает ради своей карьеры и «близости к телу». Чувствуете разницу?

Хотя... в наши поганые времена обесценивания всего и вся – удивительного в этом нет. Не враг, работает... и пусть работает.

Николай был в привычной для себя десантной форме. Знаки различия у него остались те же самые, какие были тогда, – получалось, что Русской армией командует старший лейтенант. Такого, наверное, никогда не было за всю русскую историю.

– Как? – коротко спросил он, после того как мы обнялись по русскому обычаю и по старой дружбе.

⁶ Одно из значений этого архитектурного термина – балкон, прикрывающий лестницу, и сам парадный вход в дом.

⁷ Это от поговорки – не самый острый нож на кухне – но резать вполне в состоянии.

– Нормально.

– Врешь. – У Николая всегда была эта безапелляционность. – И глупо врешь.

– Не джигит, но послужить еще могу.

– Это точно. Хватит жизнью рисковать, пора и головой работать. Павел тебе привет передает. Мария – тоже.

Личная жизнь Его Императорского Величества была поводом для тихих пересудов во всех петербургских салонах и могла бы послужить основой не одной скандальной газетной статьи – если бы редакторы не держались за свое место... пятую точку, по которой вполне и розгами могли пройти. После произошедшего в двенадцатом году безумия Мария вернулась в Россию с сыном и даже жила в Александровском дворце, но мало кто знал, что как муж и жена они с Николаем уже не жили – слишком велик оказался груз обид и слишком велика гордость... или гордыня, один из смертных грехов? Павел учился в кадетском, наверстывал с домашними преподавателями упущенное и, как я подозреваю, – сильно переживал из-за отношений отца и матери, которые ограничивались совместными появлениями на балах и церемониях. Анахиту, Люнетту – Николай отослал вместе со своими детьми, еще одним сыном и дочерью в Туркестан, где приказал возвести еще один дворец. Свое имя он детям не дал и теперь – получается, что это были ублюдки, хотя все знали, от кого они происходят. Добившись своего, Ксения отослала Николая, Нико, нашего с ней сына, в Швейцарию на учебу и

сама часто и надолго уезжала из страны – но всегда возвращалась. Судя по ее активности – у них с Николаем была какая-то договоренность, договоренность относительно Европы. Берн, Берлин, Цюрих, Женева, Мадрид, Стокгольм, Париж. Ее можно было увидеть на любом крупном общественном мероприятии, таком, как бал Красного Креста. Наводит на размышления, не правда ли?

Во что она превратит, таким образом, Нико – я не знаю. Последний раз, когда они виделись с Павлом, а они были ровесники и лучшие друзья – они подрались. Мы, конечно, тоже дрались – но не так, что нас разнимали.

Сам же Николай к своим-то годам стал первым ловеласом Петербурга. В этом он был схож со своим прапрадедом, Императором Александром Вторым Освободителем, тот – тоже частенько наведывался в Санкт-Петербургский университет. С понятными целями.

– Передавай привет и им.

– Обязательно. Как увижу.

Не знаю, то ли это Николай, не подумав, сказал, то ли наоборот. Впрочем, Путилов уселся на стул, отодвинув его от стола. Николай остался стоять у окна, но это никого не задевало, обстановка была неофициальная. Не до церемоний⁸.

– Давай, – сказал Николай, – излагай свои кошмары. Не скажу, что соглашусь, но, по крайней мере, выслушаю.

⁸ По правилам дворцового этикета – никто не имел права сидеть, если Император стоит.

А мне больше – ничего и не надо.

– У нас есть проблема, и я уже о ней говорил. Она – в том, что – что бы мы ни делали, с каждым годом становится все хуже и хуже. Началось это в девяносто втором, в Бейруте. Это – начало дестабилизации, начало конца существующего миропорядка. Девяносто шестой – взрывы в Лондоне, покушение на Президента САСШ. В тот же год – начинается вооруженный мятеж в итальянском Сомали, который никак не удается подавить. Бегство за границу Котовского. Две тысячи первый год – террористические акты в САСШ, падение самолетов на башни-близнецы, на Пентагон. До сих пор не раскрыто – официальная версия не выдерживает никакой критики. Второй год – вооруженный мятеж и узурпация власти в Висленском крае, дестабилизация обстановки в Афганистане, государственный переворот в Персии, попытка ядерного теракта в САСШ. Установленный факт попадания ядерного оружия в руки террористов, то ли третья, то ли четвертая в истории ядерная тревога в САСШ по уровню DEFCON. Бегство за границу так называемого «Короля Польши Бориса Первого» – негодяя, гомосексуалиста и отцеубийцы. Гибель сэра Джеффри Ровена. Последние события двенадцатого года – совершенно безумная затея с нападением Британии на САСШ – своего давнего и верного союзника, и, как результат – ядерная война, в которой мы только чудом остались целы. Скажите, господа, вероятно, можно объяснить любое событие, из числа мною названных, неки-

ми разумными причинами – но как можно объяснить последнюю войну? Какое у нее основание? В чьей безумной голове родилась идея напасть на союзника, причем союзника давнего и верного? Это же все равно что мы напали на Германию или Германия напала на нас?

Николай и действительный тайный советник Путилов смотрели на меня.

– Быть может, британцы просто решили одним ударом создать величайшую в мире империю, переплюнув в этом вопросе нас? – предположил Николай. – И кстати, я бы не стал так уверенно говорить о невозможности войны между Германией и нами. Еще двадцать лет назад она была бы невозможна – а сейчас возможно все.

– Да спасет нас Бог от безумия. Великие Империи создают, сокрушая противников – так Наполеон сокрушил всех противников в Европе, а потом пошел на нас, монголы сокрушили Древнюю Русь и создали Золотую Орду, британцы сокрушили испанцев, голландцев и французов, Рим победил Карфаген. Каждый раз Великая Империя создавалась за счет крушения цивилизационного соперника, никак не союзника, говорящего на том же самом языке.

– Но Британия, возможно, опасалась перехода САСШ на нашу сторону и заключения полномасштабного Тихоокеанского пакта? – предположил Путилов. Он до сих пор был раздосадован тем, что не имел никакого отношения к одной из величайших операций по внедрению в истории разведок

мира, когда Юлия, когда-то бывшая моей Юлией, а потом ставшая агентом русской разведки с псевдонимом Сокол, проникла в самое сердце политической системы САСШ и за два десятилетия почти добилась заключения между САСШ и Российской Империей договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, так называемого Тихоокеанского пакта. Уже выздоровев, я узнал, что подписание такого пакта планировалось в тринадцатом году сразу после президентских выборов, на которых Российская Империя обязалась сделать все для поддержки республиканского кандидата из правоконсервативного крыла. Подписание Тихоокеанского пакта означало бы создание давно намечавшейся, обусловленной самыми насущными потребностями оси «Санкт-Петербург – Вашингтон – Берлин» и сделало бы невозможным любую сколь-либо серьезную войну. Увы... вместо этого произошла полномасштабная катастрофа.

– Возможно... господа, но стоило ли ради этого начинать войну? Я жил в САСШ несколько лет и помню, как там решаются дела. Если у британцев были доказательства того, что мы собираемся заключить договор о союзе – у них был десяток способов попытаться торпедировать его, не начиная войну. Появляются разоблачительные статьи в газетах, начинают работать лоббисты, поднимается шум. Проходят слушанья – в Сенате, в Конгрессе, кто-то финансирует выпуск на экране очередной порции антирусской грязи. САСШ – не монархия, и от воли одного человека ничего не зависит,

будь он даже Президентом. Они точно так же могли бы профинансировать кампанию демократического кандидата, как мы – республиканского, и у них это получилось бы намного лучше, потому что мы играем на этом поле десять лет, а они – больше ста. Я не верю, господа, что наш кандидат мог победить на выборах двенадцатого года, шансы – один к четырем. Североамериканцы – обычно любят действующего Президента, и достаточно сделать некоторые статистические подсчеты, чтобы понять, каковы шансы у кандидата от оппозиции против действующего Президента, отработавшего только один срок. А президент Морган был не таким уж и плохим человеком, пусть он не выполнил того, что обещал, – но и серьезных ошибок не совершил, а его команда к концу первого срока стала вполне дееспособной. Мы могли бы взять реванш в шестнадцатом году, когда выборы бы шли «кандидат против кандидата» – но не в двенадцатом, когда было «кандидат против Президента». Те же самые выводы, которые делаю я, сделает любой более-менее грамотный политолог, знакомый с вашингтонской политической кухней. Так скажите – какого черта британцам надо было затевать все это безумие с ядерным терактом на «Старой кирпичнице» и войной – ведь они не могли не понимать, что переходят границу и их просто обвинят в государственном терроризме!

Николай простучал костяшками пальцев по подоконнику первые такты государственного гимна.

– Господа, я проявляю нетерпение, – сказал он, словно ни

к кому не обращаясь.

– Еще минуточку терпения... – сказал я, – в этом деле нужно идти по пути, который не нов и который придумали римляне. Ищи, кому выгодно, – и ты найдешь преступника. Давайте разберемся – кому выгодно то, чтобы мир выглядел именно так, как он выглядит сейчас.

Россия? Да, мы сделали некоторые территориальные приобретения – но они весьма сомнительны. Мы и до этого владели Персией – пусть опосредованно – и она не была разрушена, а теперь нам приходится вкладывать деньги, чтобы восстанавливать нормальную жизнь там. Мы приобрели Афганистан – но он разрушен, мы должны будем предпринимать усилия для того, чтобы наладить нормальную жизнь и там. Мы приобрели Белуджистан и порт Карачи – достаточно ценные приобретения, это отличная база для русского ВМФ и прямой выход в Индийский океан – но не дорого ли нам встали эти приобретения? Мы имеем дело с разнузданным исламским террором, который наши отцы окончательно победили. Все последние два десятилетия мы вкладываем в Восток много больше, чем получаем оттуда, если считать не только по деньгам – но и по крови и поту Ваших подданных. Впервые численность мусульманских подданных Вашего Величества превысила численность подданных-христиан, и мы сами не знаем, к чему это приведет. Взбаламученная Польша, с которой тоже что-то надо решать, иначе не миновать нового взрыва. Мы потеряли один авианосец потопленным

и два до сих пор стоят на капремонте, мы потеряли до миллиона человек в ядерной войне. И это при том, что мы вступили в игру уже на втором этапе войны против ослабленного соперника.

Британия? Чистый проигрыш, полностью разрушенные отношения с САСШ, единственным из союзников, который был союзником по духу, который говорил на одном языке и происходил из одного корня. Слава страны, поддерживающей терроризм, – клеймо, которое уже не смыть ничем. Гибель короля. Полностью разрушенные ядерные силы, потеря девяти из двенадцати авианосцев и утрата, возможно, окончательная, сколь-либо серьезного положения на море. Тяжелейшие потери среди военных, практически полное уничтожение кадрового состава армии и флота, потери и среди гражданского населения. Демилитаризация Индии и Канады, и если Канада вряд ли отпадет – то Индия уже сейчас почти неуправляема – и если с ней будут проблемы, то ими придется заниматься нам, русским, – или поддерживать в этом англичан, усиливая своего давнего и злейшего из врагов.

САСШ? Чистый проигрыш. Страна разрушена, Президент убит, инфраструктура потерпела тяжелейший урон, утоплено семь авианосцев из двенадцати, правда, два, насколько я слышал, – собираются поднимать. Страна де-факто раскололась на Север и Юг, Южные штаты заявили о своей государственности, пусть и не признанной никем. От

доктрины Монро ничего не осталось, европейские державы хозяйничают в Новом Свете, как на своей кухне. Крушение марионеточного правительства в Бразилии, дестабилизация в Мексике, явная угроза создания враждебной САСШ Латиноамериканской коалиции или даже федерации. Мало кто проигрывал в этом мире страшнее, чем проиграли Североамериканские Соединенные Штаты.

Священная Римская Империя? На первый взгляд выигрыш – но в чем он? В том, что отсиделись в стороне? Сомнительный выигрыш – тот, кто пытается стать другом для всех, на самом деле не имеет друзей. У них уже начинаются проблемы в Африке, Бурская конфедерация, их давний и верный союзник, в которой немцы отстроили всю индустрию, – теперь смотрит на них косо и ищет контактов с нами. Они отговорили для Испании всю Латинскую Америку и теперь безуспешно пытаются что-то с ней сделать – как оказывается, шести авианосцев для этого явно недостаточно, они вынуждены строить еще, а собственные подданные Кайзера начинают задавать вопросы – а зачем все это. Испорчены отношения с нами, с Россией – а это перечеркивает почти любую выгоду.

Япония? Осталась при своих, но это тоже только на первый взгляд. Они ввязались в войну с САСШ и ничего в итоге не получили. Их виды на некоторые куски Западного побережья Нового Света и вообще на расширение влияния остались лишь видами. Зато теперь – они отлично знают, что с

ними будет при первой же попытке претендовать хоть на какую-то часть Сибири, Дальнего Востока или Желтороссии. Мы это показали на примере Лондона – а ведь Токио еще более уязвим, до него дотянутся уже не стратегические, а тактические ракеты, от нас – у Японии нет стратегической глубины обороны вообще.

Николаю эта политологическая лекция надоела, и он нетерпеливо поднял руку, как в кадетке, на теории.

– Ты что, хочешь сказать, что выиграла Испания? Так, что ли?

– А почему бы и нет? Испания при последней раздаче получила каре тузов. Испания как великая держава – ранее владела всей Латинской Америкой. Там только и говорят – либо на испанском, либо на португальском. Теперь получается, что Священная Римская Империя выговорила за Испанией огромные территории, намного превышающие площадь ее самой. Мы считали и считаем, что эти территории в перспективе могут стать германскими – но какова вероятность этого, если там до сих пор говорят на испанском, а Североамериканские Соединенные Штаты не смогли американизировать эти территории? Кто же сказал, что Германия сможет их германизировать – тем более что она может столкнуться с проблемами, как в Европе, так и в Африке. В Европе, в славном городе Париже, поднимается градус национального самосознания, причем он приобретает статус религиозного противостояния – преимущественно католические францу-

зы против преимущественно протестантов-немцев. В Африке, и в тех частях, которые объявлены территорией Священной Римской Империи, и в вассалах, и в формально независимых частях, поднимается национальное и религиозное самосознание чернокожих, причем основа этого всего – переход от язычества в католическое христианство, воспринимаемое порой очень своеобразно. Мы воспринимаем агрессивный ислам как врага, но не стоит ли вспомнить про нашего стародавнего врага, с которым мы воюем по меньшей мере тысячелетие – Римскую Католическую Церковь?

Я сделал паузу, чтобы посмотреть в глаза моим слушателям. Путилов не верит – но он просто не верит, я уже проверил его вероисповедание, стопроцентный атеист. А вот Николай заинтересовался, и сильно...

– На досуге, точнее, оправляясь от ран в больнице, я предпринял кое-какие исследования. Биографического и политологического свойства. И выяснилось, что у всех, кто лгал, предавал, вредил, – есть нечто общее. Котовский – по вероисповеданию католик, постоянный посетитель прихода святой Екатерины Александрийской. Сэр Джеффри Ровен, бывший глава британской Секретной службы – католик, мы считали, что это его прикрытие – но, может быть, он и есть католик, а должность директора британской Секретной службы – прикрытие для его деятельности? Профессор Вахрамев – удивительно, что никто этого не увидел, но и он – католик, еще учась в МГУ, он был прихожанином прихода Непол-

точного зачатия Святой Девы! Царь Борис Первый при всей его развращенности – католик, и католиками являются поляки, устроившие рокош. Никто так и не увидел того, что Олег Дмитриевич Пескарев, управляющий филиалом Атомстроя в Персии, который устроил для Шахиншаха Мохаммеда тайное производство ядерного оружия на русском объекте, – католик по матери, фамилия его матери – графиня Потоцкая, она полячка и католичка! Хуже того – Мануэль Альварado, относительно которого есть серьезные основания предполагать, что он жив до сих пор, – он не просто католик, один из его предков был Примасом Мексики. Испания и Польша – оплоты католицизма в Европе, – и Испания просто так получила огромные территории, тянет деньги со своего суверена, а Польшу мы в который уже раз восстанавливаем за свой счет. И наконец, последнее: незадолго до катастрофы я был в Риме, и не успел я там пробыть и полного дня, как меня попытались убить. И эти люди были католическими монахами, как я считаю, но это не помешало им взять автоматы и пойти убивать.

Римская Католическая Церковь – за времена Средневековья накопила огромные богатства, никто так точно и не знает, чем она на самом деле владеет. Русь, православная Русь, для нее – злейший враг. Британия, Североамериканские Соединенные Штаты, Священная Римская Империя – враги и оплоты протестантизма и безбожия. И в этом раскладе единственным абсолютным победителем, на самом де-

ле, является Римская Католическая Церковь, господа! Россия, проливая кровь, воюет с исламом, две самые ненавистные католицизму религии – православие и ислам схватились в цивилизационной схватке. Оплоты безбожия сокрушены. Шесть северных графств вот-вот отделятся от обессиленной Британии, и там тоже восторжествует католицизм. Испания, оплот католицизма, вот-вот станет шестой сверхдержавой. А если и не станет – вся Латинская Америка ходит в католические приходы. В Мексике – к власти угрожает прийти правнук бывшего Премьера Мексики. А если и не придет – откуда взялся проект превратить Мексику в монархию и посадить на трон одного из представителей Габсбургского дома, взамен убитого революционерами еще в девятнадцатом веке Максимилиана? Притом что Габсбургский дом в полном составе придерживается католического вероисповедания. Кто и зачем вбросил этот сомнительный политический проект?

Так против кого же мы воюем, господа? Может быть – против нас, против всего мира уже объявлен Крестовый поход и пора трубить в трубы?

Теперь поднял руку Путилов.

– Не наигранно? – с сомнением сказал он. – Римская Католическая Церковь. Им-то зачем все это, она же церковь.

– Давайте вспомним прошлое. Последних трех пап. Папа Иоанн Павел Первый – провозгласил, что церковь должна быть бедной и она должна помогать тем из своих прихожан, кто находится в нищете и невежестве. Прежде всего – это Ла-

тинская Америка и Африка. Возникли неприятные вопросы – и их было много. Что такое Банк Ватикана, чем он занимается и чем, в сущности, владеет – ведь Ватикан, Папская Республика, – это самостоятельное государство! Пусть без своей денежной единицы – но скажите мне, когда последний раз в Банке Ватикана была хоть какая-то проверка? Каким нормам и правилам подчиняется этот банк – Базель II?⁹ И только? А как быть с программой Иоанна Павла Первого, так никогда и не опубликованной – это же чистый коммунизм! Итог – умер, пробыв всего семьдесят девять дней на папском престоле.

– Его убили североамериканцы... – не слишком уверенно сказал Путилов, – или германцы. Ни тем, ни другим проблемы с коммунистическим папой не были нужны.

– Это мы так думаем. А что – если его убили по каким-то другим мотивам? Идем дальше. Второй папа – бывший краковский архиепископ, это уже прямой вызов нам – и как раз аккурат перед началом польского мятежа. Но если так – кто и зачем его пытался убить? Ведь его реально пытались убить, не инсценировали покушение – папа выжил только чудом и, возможно, – заступничеством Господа. В этом убийстве обвинили нас – но думаю, мы все трое знаем, что мы этого не делали, верно ведь?

– Верно, – сказал Путилов, – только это никому не дока-

⁹ Общемировые нормы принятия рисков и достаточности капитала в деятельности банков. Действуют и в этом мире.

зять.

– А и не надо доказывать. Правый – не доказывает, он просто знает о том, что он прав. Но вот знать правду – необходимо, а мы так и не позаботились ее знать, нам было важно отбиться от обвинений. Третий папа, интронизированный не так давно. Умер менее чем через год – бывший германский епископ – как он оказался на папском троне? Нынешний – бывший римский кардинал, стоило ему войти в Коллегию, и папа преставился, а его избрали, притом что его стаж в Конклаве был минимальным, он был самым младшим из кардиналов Конклава. Мы вообще что-то знаем о том, что происходит в Ватикане на самом деле?

– Дела церковные, – сказал Николай, который, вообще-то, был помазанником Божьим, – только их нам и не хватало.

– Не слишком ли много совпадений?

– Совпадений достаточно, – согласился Путилов, – но я все равно не верю. Просто поляки нам вредят в очередной раз, вот и все. Поляк – он же католик.

– А Вахрамеев? Он поляк? А сэр Джеффри Ровен? Он поляк? А Альварado? Он и близко – не поляк. Всех этих людей объединяет не национальность – а религия! И эта же самая религия – при последней сдаче получила каре тузов. Не настораживает?

– Сэр Джеффри Ровен, удалившись от дел, почему-то стал католическим священником.

– Проверить всех по религиозным убеждениям? – задум-

чиво сказал Путилов. – Господи, у нас и в анкетах-то этого нет.

– Это решение, но не лучшее и не первостепенное, – сказал я, – это охота на ведьм, причем вслепую. Нам только своими руками пятую колонну в стране создать не хватало. Защищаться надо – нападая.

– Южная Америка? – сразу просек Николай, он имел вкус к геополитической игре и играл так жестко, как, наверное, не играл никто со времен Петра Первого.

– Она самая. Вся она – превратилась в зону враждебного противостояния. Там играют все, кому не лень. Но выигрывает пока – Мануэль Альварado.

– Мы держались в стороне от этих мерзостей, – сказал Николай, – почему мы должны менять политику?

– Потому что, если мы этого не сделаем, – выиграет враг. Я никак не могу понять место Священной Римской Империи в этой истории – кто, кем и как манипулирует. Но манипулирует – какого черта германцы держат там пять авианосцев, какого черта они столько сил вкладывают в явно враждебный континент.

– Они воюют против Альварado, – напомнил Путилов.

– Как-то плохо воюют. Совсем не так, как могут воевать немцы. Я не предлагаю не вмешиваться. Я предлагаю сломать игру. А сломом игры будет – смерть Альварado. Ставки сделаны на него, если его не будет – придется переигрывать, и переигрывать импровизируя. Тогда-то мы и пойдем –

кто на чьей стороне играет. И воспользуемся допущенными противником ошибками.

– А если мы получим ответный удар? – спросил Путилов. – Только католического терроризма нам не хватало вдобавок к исламскому.

Вопрос повис в воздухе.

– Я полагал, – сказал после недолгого молчания Николай, – что происходящее в Южной Америке никоим образом не затрагивает интересов Государства Российского и моих интересов. И что в интересах России, в интересах сохранения жизни русских людей, достатка и спокойствия в обществе – держаться как можно дальше от схватки. Теперь я вижу, что ошибался, и следует больше внимания уделить Латинской Америке. Господин Путилов?

– Я дам соответствующие указания, – мгновенно сказал Путилов.

– Вот и отлично. А теперь, господа разведчики, позвольте вас несколько... отвлечь от мрачных конспирологических теорий.

Николай достал устройство Нева... такие в последнее время носили очень многие, что-то вроде сотового телефона, но на абсолютно ином принципе. Сотовый телефон постоянно на связи, но его можно отследить через вышки сотовой связи. Это устройство работает через wi-fi, зону коллективного Интернета, которая в городах охватывает уже все улицы и общественные здания. Это менее удобно, чем сотовый те-

лефон, потому что, если абонент на природе, вне зоны покрытия – до него не дозвониться, но зато через устройство Нева абонента выследить невозможно, оно пассивно и никаких сигналов не подает. Кроме того – с этого устройства можно выйти в Интернет, посмотреть сводку событий, курсы акций на бирже, набрать какое-то сообщение с помощью виртуальной клавиатуры, сделать фотографию и короткий видеоролик и многое другое.

– Итак... господа разведчики и шпионы, двадцать восьмое марта этого года, двойной теракт в Багдаде, восемьдесят убитых, больше двухсот раненых. Четырнадцатое апреля – еще один теракт, на сей раз в Константинополе, больше шестидесяти погибших. Первое мая – поджог портового терминала в Карачи. Полностью дестабилизировалась обстановка в Афганистане, мы вынуждены вести там бои и имеем только за этот год двести шестьдесят семь погибших – это только военные, я не считаю гражданских и местных жителей, которые тоже мои подданные, вашу мать! – Николай говорил негромко и спокойно, но это яснее всего показывало, как он взбешен. – Мы обещали принести мир на Восток, но его там нет! Я обещал принести мир Империи – но его нет и в помине! Теракт за терактом, взрыв за взрывом! Все это – дело рук генерала Абубакара Тимура, который стал из тирана, который тиранил и терроризировал целую страну, героем сопротивления! Все это – дело рук британцев, которые на своей территории создали террористические лагеря, весь

север Индии буквально кишит террористами! Я могу получить базы для нашего ВМФ на западном побережье Африки и вывести свой флот в открытый океан. Я могу послать людей на Луну и приказать готовить там постоянный лагерь и проекты добычи гелия-3. Но я ничего не могу сделать с террористами, которые убивают мой народ!

Это было не просто упреком. Это было обвинение нам, дворянам, в бездействии и пренебрежении интересами Государства и Престола. Путилов – дворянин в первом поколении, я – потомственный дворянин, но это обвинение в равной степени тяжело для нас обоих.

Для Путилова – обычным было бы сказать «работа ведется», в принципе, так говорит любой чиновник, который делает какую-то работу, тратит казенные деньги, а результата пока что не видно. По моим расчетам, Путилов был в фаворе, но он не осмелился это сказать. И правильно – потому что такие слова – признание в собственном бессилии.

– Итак, господа, полагаю, я вывел вас из конспирологического угара? В таком случае я готов выслушать ваши предложения по ситуации, реально угрожающей России.

Путилов не осмелился посмотреть на меня – потому что в таком случае он бы себя унизил и еще раз расписался в собственном бессилии и в том, что я как профессионал – выше его. Но он молчал, и я знал, что он ждет моего слова.

– Ситуация с исламским терроризмом, – сказал я, – и нашей борьбой с ним напоминает мне охоту машины на ко-

мара. Конечно, если машину разогнать сильно, и если комар окажется в это время над дорогой, на нужной высоте, его просто размажет по радиаторной решетке или лобовому стеклу. Но чаще всего – комару удается увернуться. А вот мы – тратим изрядное количество бензина, вынуждены часто ремонтировать машину и рискуем кого-то сбить при резком маневре и превышении скорости. Ласточка, подвижная, умная и быстрая – расправится с комаром в два счета, потому что это ее пища. При этом все, что ей потребуется, – это пара взмахов крыла.

Николай снова забарабанил пальцами по столу, давая понять, что раздражен и ждет конкретики.

– В девяносто втором году нашей группе удалось расправиться с опаснейшим террористом того времени по имени Осам Бен Ладен, причем мы вышли на его след и уничтожили меньше, чем за месяц... да что там за месяц – за пару недель. Это была наша пища, точно так же, как пища ласточки – комары. Мы делали то, что считали нужным, никого не ставили в известность о своих планах и имели поддержку. Полагаю, что в этом случае следует поступить так же. Небольшая группа профессионалов, не привязанная ни к каким бюрократическим структурам, не отчитывающаяся ни перед кем, при необходимости престапующая закон – потому что генерал Тимур и его люли престапуют его вольно и при любой возможности. Плюс поддержка – опытная группа спецназначения, мобильная, расположенная на передовой

базе или на авианосце. Собственный транспорт, чтобы ни у кого не простить, и средства разведки. На этом – полагаю, все.

– Да, полагаю, все, – сказал Николай Третий, – и полагаю, что вы, сударь, сумеете сформировать такую группу.

– Да, безусловно.

– Тогда – я жду письменного вхождения на мое имя. Что нужно, в каком объеме, когда. Мне надоело слышать про терроризм, это то, что мешает нам двигаться дальше. Я все сказал, господа...

Мы с Путиловым встали. Николай пошел к двери, махнул рукой, приказывая Путилову следовать за ним. У самой двери остановился.

– Две вещи. Первая – вы, князь, можете оставаться в этом доме столько, сколько сочтете нужным. Вторая – вы, господин Путилов, выделите группу толковых людей, чтобы проверить подозрения князя Воронцова. Лучше всего – пусть этим займется контрразведка МВД, а вы проверьте людей, которые будут этим заниматься. Обвинения, выдвинутые князем Воронцовым, чрезвычайно серьезны, это обвинения в заговоре и государственной измене. Мы не можем пренебрегать такими сигналами и обязаны сделать все для безопасности России...

Несмотря на то что Николай позволил мне оставаться в Ливадии – я решил выехать отсюда на следующий же день.

Пару дней я решил провести в Воронцовском дворце в Одессе, а дальше – вероятно, надо будет посетить Санкт-Петербург и направляться на Ближний Восток. Или – в Афганистан, возможно даже, в Белуджистан, в Карачи.

До Одессы я доехал быстро и не без лихости – экипаж баварских моторных заводов, пусть и несколько устаревший, это позволял. Сворачивая во двор своего дворца, я заметил стоящие у парадного машины. Это еще кого принесло...

Машин было три. Все три – бронированные «Интеры», часто встречающиеся на Востоке у нефтяников и газовиков. Такими же машинами пользуются спецслужбы – им не приходится отчитываться за расход топлива.

Подошел к первому же «бодигарду», прикрепленному, стоящему на ступенях. Интересно – кто их вообще пустил сюда.

– Чем обязан?

– Ваше высокопревосходительство?

– Собственной персоной. Чем обязан?

– Вас ждут, ваше высокопревосходительство. В доме, в гостиной. Дама.

Ксения... Вот только ее тут и не хватало...

– Их Высочество?

– Не могу, ваше высокопревосходительство, извините.

Хотя... странная для Ксении манера визита, она предпочитает принимать гостей, а не наносить визиты. И странный кортеж... она почему-то с небрежением относится к армии,

к безопасности, вообще ко всему к этому. В ее понимании это что-то вроде игры... детский сад, только автоматы настоящие. Она считает, что любого противника можно перехитрить, переинтриговать, подавить морально и разорить.

Машинально пригладив волосы, вошел в гостиную – это скорее не гостиная, это холл, как в петербургских домах, по этикету в отсутствие хозяина дома гостю или гостье вполне позволено переждать здесь. Уже не такая молодая, но все еще потрясающе красивая женщина в строгом сером костюме от Дреколлы, поставщика двора Габсбургов, с бриллиантовым шифром фрейлины Двора отвернулась от окна, у которого она стояла...

Юлия...

Я ненавижу... не ее, себя – потому что, когда я ее видел, я терял над собой контроль. Это и в самом деле так... не для красного слова сказано. Говоришь... и вдруг понимаешь, что не думаешь, что говоришь. Делаешь... и вдруг понимаешь, что не думаешь, что делаешь. С Ксенией, матерью моего сына, была подростковая интрижка, переросшая во что-то большее и закончившаяся ребенком... да и неумеренное желание Ксении контролировать и интриговать... она до сих пор помнила и навещала меня... даже в госпитале навещала только для того, чтобы проверить – не порвался ли еще поводок. А вот с Юлией было другое... то, что я описал.

– У тебя интересная машина... – сказала она, – редкая. Откуда она?

Машина у меня и впрямь была интересной и редкой. Вряд ли в Крыму была еще одна такая, а может – и в Империи. Коллекционный экземпляр, спецзаказ. «Олдсмобайл 98 Ридженси Брогэм», модель восемьдесят второго года, черный металлик с хромом, в максимальной комплектации, с обтянутым кожей верхом, с декоративными спицами на колесах и крышками с белой боковиной, с заказным кожаным салоном вместо тканевого, с дополнительными хромированными деталями. Это от отца... отец был американофилом, имел друзей среди американцев и заказал эту машину. Но поехать на ней не успел: когда она прибыла в Крым – отца и мать взорвали в Багдаде. Террористы. А может – и не террористы. Я не верю официальной версии, и кто это сделал – обязательно дознаюсь. А потом – расквитаюсь...

– Это от отца. Он не успел на ней поехать. Его убили...

Пришел в себя я, когда мы были уже в малой гостиной и перед нами – стоял серебряный поднос с чайным набором. Что было до этого, какие глупости я сказал и какие сделал – не помню, хоть пристрелите...

– Майкл был у тебя? – спросила она, глядя мне в глаза. У нее была такая манера – смотреть прямо в глаза... Ксения, наоборот, избегала такого. Господи... только вот сейчас этого сравнения не хватало. Еще ляпну лишнее...

– Был. Он уехал?

– Да.

– Напрасно.

– Он уже взрослый...

Я помолчал, подбирая слова.

– Мне... не хотелось бы, чтобы он занимался тем, чем занимается.

Юлия улыбнулась.

– Отец – вице-адмирал флота, разведчик. Мать... кем он может быть, как ты думаешь?

– Именно поэтому.

Да уж...

– Как он относится ко мне?

– Сам спросить не мог?

– Спросил.

Юлия помолчала, собираясь с мыслями.

– Я ему объяснила... как смогла. Но ты должен понять – он американец. Стопроцентный, настоящий американец. Мы с тобой – что бы с нами ни произошло, были и останемся русскими. Он же американец... пусть он знает русский язык, какое-то время прожил здесь – он американец, и ему... сложно все это понять.

– Ты рассказала ему про Бейрут?

– Рассказала...

Вопрос в том, как это понять. То, что произошло в Бейруте, – это не служение Родине, это кошмар. Это какой-то злой вихрь, изломавший, искалечивший наши судьбы, разрушивший наши ориентиры и моральные ценности, сделавший нас... Мы все – после Бейрута не станем прежними, по-

тому что что-то сломалось. Сломалось там, в Бейруте, и этого уже не исправить. Мы дорого заплатили за Бейрут.

И продолжаем платить.

– И как он это воспринял?

– А сам как считаешь?

Черт...

– Я попытался дать ему понять... Не знаю, что из этого вышло. Не знаю, что вообще из всего из этого выйдет.

Не знаю, сколько я сидел в каком-то оцепенении – пока рука Юлии, коснувшаяся моей руки, не вывела меня из морока.

– Может, займемся делом...

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду дело...

Юлия сдвинула в сторону поднос, положила на стол небольшой, изящный, ручной работы портфель – и только сейчас я заметил, что он у нее есть.

– Я приехала по делу. Из Санкт-Петербурга.

– Какому делу?

– У него есть имя. Генерал Абубакар Тимур.

Святые отцы...

– Какое отношение ты имеешь ко всему к этому?

– Такое. Его Величество, Николай Третий, призвал меня ко двору. И объяснил, что моя работа не закончена. Он... умеет говорить убедительно. Так что теперь я – не только фрейлина Ее Величества. Но и начальник отдела специаль-

ной документации министерства иностранных дел в ранге товарища министра. И тайный советник при Дворе.

Я достал устройство Нева – купил по дороге, уже подключенное, начал набирать номер.

– Не надо...

Вот уж – нет. Я тоже – человек.

– Слушаю, – раздался знакомый голос. Wi-fi теперь был везде.

– Подонок ты, – только и смог сказать я.

Николай расхохотался и повесил трубку.

Наверное, это и в самом деле смешно. Со стороны.

А вообще – Николай изменил кадровую политику отца очень сильно. Отец укреплял институты и держался проверенных кадров. Николай тасовал людей, как карточную колоду, а на институты и стабильность ему было наплевать. Его принцип, как я уже понял, – не человек для должности, а должность для человека, он подбирал не людей на должность – а просто людей, а потом давал им полномочия, при необходимости безжалостно кроя и перестраивая бюрократические структуры. От этого – как я уже успел понять – в чиновном Петербурге зрело недовольство – привыкшим сидеть в тихом болоте чиновникам было неуютно. Все помнили отдел специальной документации по Герштейну, Евсею Ароновичу, хитрому и осторожному еврею, который любил прикидываться таким еврейским добрым дядюшкой – но тем, кто на это купился, было не позавидовать. Он досидел

на своем месте не до пенсии, а до инсульта, после чего его сменил на его посту его товарищ¹⁰, Моисей Тамаркин, тоже еврей еще тот. Ему еще сидеть и сидеть было – но, оказывается, Его Величество имел на этот счет совершенно другие виды. Теперь – ОСД возглавляет очаровательная фрейлина двора, и все воспринимают это как дикость или очередной фаворитизм, перешедший границы. А на самом деле у Юлии едва ли не лучший опыт, чем у меня... почти двадцать лет работы на холоде¹¹, в самой сердцевине североамериканской политической машины. Конгресс САСШ, Госдепартамент, министр обороны – сердечный друг и самое логово неоконков. Внешность не слишком умной барышни, очаровательный английский акцент... и двадцатилетний опыт выживания в волчьей стае. Ох, не завидую тем, кто пойдет против нее.

– Зачем все это?

– Я должна передать тебе исходные данные. Ты же должен с чем-то работать.

– Я не об этом. Только не говори про патриотизм.

Юлия пожала плечами.

– А что ты предлагаешь? Роль глупой потаскушки при дворе? Бессмысленное и бесполезное времяпрепровождение по клубам и великосветским салонам?

– У тебя есть дела.

¹⁰ Заместитель, если кто не помнит.

¹¹ Нелегальная работа за границей.

– Это и есть мое дело.

Интересно... с чего это я решил, дурак набитый... что я тебя хоть на секунду знаю.

– Хорошо. Господин куратор. Приступим.

– Я не куратор. Я просто должна передать тебе данные... по просьбе Его Величества, высказанной приватно. И в дальнейшем помогать тебе. У тебя не будет куратора, насколько мне известно.

Конечно, будет... Путилов, кто же еще.

– Я выскажу Его Величеству просьбу... приватно... чтобы моим куратором была ты.

– Давай, приступим. Иначе я забуду, зачем пришла...

Следующие два часа мы посвятили изучению глобальной террористической сети, которой бывший министр безопасности Персии накрыл весь Восток.

Вероятно, опорными точками для создания сети послужили разведпункты САВАК – бывшей шахской разведки. Они были по всему Востоку, опорные пункты, если с запада на Восток – Танжер, Бейрут, Могадисо, Аден, Эр-Рияд¹², Александровск-на-Востоке, Багдад, Тегеран, Кабул, Пешавар, Кветта, Карачи, скорее всего – Дели и Бомбей. Это только главные пункты – шахиншах не жалел денег ни на разведку, ни на уничтожение своих противников за границей. Так – сеть намного обширнее, и глупо думать, что ее можно

¹² Эр-Рияд, просто русские так произносили. Александровск-на-Востоке – многомиллионный город, построенный на побережье Персидского залива.

накрыть разом. Скорее всего – информация разделена между множеством людей, и единственный способ узнать что-то на самом деле ценное – это захватить генерала Тимура. Хотя я не был уверен, что и он сам все знает... на его месте я бы делегировал полномочия и требовал результатов – но без раскрытия сети даже мне. В этом случае – сеть становится непобедимой, потому что ее всю – не знает никто.

Ее называли – цепь. По-арабски Ас-Сильсиля. Она отмечалась практически во всех террористических действиях в регионе последнего времени, единственным крупным городом, где не было ничего подобного, – был Тегеран. Тут... самолюбие несколько выиграло, сам себя не похвалишь, никто ведь не похвалит... именно я начинал там ставить систему безопасности с приоритетом на электронное слежение и на превентивную ликвидацию главарей и организаторов террористических банд. Ублюдки любят посылать приказы на дисках, на флешках... они надевают маски, садятся на ковер, ставят за спиной автомат, вешают флаг с шахадой и читают смертные приговоры исламской шуры... но ублюдки даже не подозревают, сколько информации можно выдоить с одной вот такой флешки, с одной записи теракта, обстрела колонны... мы их все скупали, проверяли сотовые телефоны задержанных. Тот, кто засветился на таких вот записях, уже мертв, только он не знает об этом. Голос... который можно сравнить с базой данных, случайно попавший в кадр человек, здание, фоновый шум, отражение от окна того, что вид-

но на улице, – этого достаточно, чтобы пойти по следу. А приговор всегда один: террористам – смерть.

Но Ас-Сильсия – это что-то особенное. Каждая ячейка распределяет деньги и дает задания – но сама очень редко в чем-то участвует, не ставит себя под удар. Некоторые ячейки легализованы под видом исламских фондов и фондов помощи беженцам, они официально собирают деньги на гуманитарную помощь, на помощь беженцам, им передают часть собранного закята¹³.

– Вы пытались требовать объявить эти организации вне закона?

– Нет. А зачем?

– Умница...

Совершенно правильное решение. Вне закона их все равно не объявят, в других странах нет такого антитеррористического законодательства, как у нас, это мы уже несколько поколений живем в состоянии вялотекущей террористической войны, сначала с коммунистами, потом с исламистами. А вот те же самые фонды и организации – поймут, что они раскрыты... новые создать несложно. Если же мы ничего в отношении их не предпринимаем... официально – можно играть дальше. Сел играть в шахматы – играй в шахматы, а не размахивай руками. Тем более если до носа партнера – все равно не дотянешься.

¹³ Закят – в исламе обязательный платеж с доходов, что-то вроде налога. Должен идти на помощь бедным – но все чаще и чаще идет на джихад.

Юлия при слове «умница» недовольно посмотрела на меня. Она всегда была такой... самостоятельной, ценила свободу... еще до того, как уехать из России, она уже была американкой, по крайней мере, наполовину.

Но организация крайне серьезная. Мне пришло в голову, что ее, скорее всего, готовил не сам Тимур, ее готовили задолго до этого, с ведома и при полной поддержке шахиншаха. Как инструмент дестабилизации всего Востока и последующего создания Империи. Империи пророка Махди.

– Мне это кое-что напоминает.

– Что именно?

– Аль-Каида.

Юлия кивнула, она серьезно смотрела на меня.

– Я это тоже заметила. Очень много схожего с Аль-Каидой Бен Ладена. Возможно – все это – дело рук одних и тех же людей, конструкторов систем. Мне кажется, что кто-то извлек уроки из разгрома Аль-Каиды и постарался учесть их все.

Кто... а Тимур и есть. До назначения на пост директора САВАК и министра безопасности он ведь чем-то занимался, верно? Этим и занимался. А на пост директора САВАК его перевели не просто так – Махди вот-вот должен был появиться, и шахиншах расставлял актеров по местам. Каждый должен был сыграть свою роль в чудовищной мистерии, которая, даже сорванная, – стоила жизни миллионам.

А может быть – генерал спецслужб Абубакар Тимур, учив-

шийся у нас, в России, и был одним из настоящих создателей Аль-Каиды?

Эх, Каха Несторович, Каха Несторович... Как же тогда прозевали шахиншаха и все его осиное гнездо. Как же могли тогда купиться на его льстивые заверения в верности и обещание порядка, который наводился кровью и немыслимыми беззакониями. Минутная слабость, нежелание связываться и ворошить осиное гнездо его сына, Александра Пятого, – какой кровью потом обернулись! Конца-краю этому не видно! Правильно сказано в Библии – что может быть общего у добра со злом? Минутное согласие со злом, нежелание бороться со злом – обернулось Бейрутом девяносто второго и Тегераном две тысячи второго. Только сейчас я начинаю понимать, что в событиях в Бейруте – виноваты были не только англичане с американцами. Но и мы тоже. Потому что дали укорениться злу.

– Это и был Тимур. И сэр Джеффри Ровен. Люди могут умирать... но дело их продолжает жить. Финансирование.

– Что?

– Что у них с финансированием? Британии сейчас явно не до того, они в долгах как в шелках, у них разрушена вся страна, погиб флот. Кто их финансирует? Как? Это не просто – нужны расходы, которые может себе позволить либо казна, либо очень богатый человек. Кому это надо? Узнаем – накроем всю цепь.

– Мы подозреваем... Есть несколько точек. Константен и

Танжер. И Золотой берег, эль-Аюн.

– Офшоры...

– Точно. Все упирается в офшоры. Но деньги очень большие, мы пытаемся их отслеживать.

– Поможешь мне в этом.

– Слушаюсь, мой господин...

Теперь уже я посмотрел на Юлию, прямо в глаза.

– Тебе это не идет.

– Я знаю...

– Останешься сегодня? – сам не знаю, зачем ляпнул я.

Юлия долго смотрела на меня, потом приложила палец к своим губам. Затем к моим.

– Не опешляйте то, что есть, сударь. Я ведь могу и согласиться...

И ушла...

Николаю я звонить не стал. Вместо этого я напился. Отличный способ начинать новое дело – с пьянки. Напился я так, что на следующий день с трудом вспомнил, кто я есть. Но все остальное – я помнил.

Не забыть...

Танжер

Лето 2013 года

Говорят, что неправильное опохмеление может привести к длительному запою. Наверное, это и в самом деле так – не проверял. И проверять не хотел.

Вообще – давно так не закладывал. Как-то так привыклось, что спиртное не решало ни одну из моих проблем – и потому я давно не употреблял его. Максимум – пару-тройку шампанского и коктейлей на приеме или неофициальной вечеринке. А вот сейчас напился всерьез, до одури.

Проснувшись утром, спросил кофе и выпил три больших кружки, одну за одной, потом долго стоял под контрастным душем, то обжигающе-горячим, то ледяным. Придя в себя, взял походный набор вещей, заказал по Интернету билет в Бейрут и отправился в аэропорт. По дороге остановился – и кое-что послал экспресс-почтой на ящик до востребования, который я тоже заказал по Интернету... хорошая вещь Интернет. Мест почти не было, причем мест не было в высшем классе. Придется лететь эконом – хорошо, что недалеко.

В Бейруте, красующемся новыми небоскребами и ослепительно сверкающими куполами торговых центров – их почему-то полюбили строить с зеркальными панелями, последний, в виде громадной горы, построили в Верном – я доехал

из нового аэропорта до старого, на самом берегу, на метропоезде,двигающемся по проложенной над дорогой линии со скоростью сто километров в час. Взял экскурсионный билет до Танжера на дирижабль... дело в том, что для экскурсионных поездок не спрашивали паспорт, просто покупай билет и лети. Здесь же, в интернет-кафе, заказал два обратных билета из Танжера с открытой датой: один в Константинополь, другой в Берлин. Город был чужим, мало ли как обернется. Деньги есть, да и не так это дорого стоит.

На этом маршруте – работали невообразимо огромные «Слоны», которые только в экономическом классе могли вместить до восьмисот человек в свою двухпалубную кабину и часть их моторов, а так все оборудование – приводилось в действие за счет специальных тканевых батарей, покрывающих сверху весь дирижабль. Здесь же, в экскурсионно-представительском варианте, он вмещал всего триста человек, к услугам которых было три палубы, в том числе специальная смотровая для любителей острых ощущений – даже с открытой галереей. Когда пришло время – автоматический лифт доставил нас на причальную вышку, длиной в восемьдесят метров, и стюарды развели нас по положенным местам. Приметой нового времени была арка, через которую были вынуждены пройти мы все. Террористы не дремали – и только дьявол знает, где они нанесут очередной свой удар.

Кресла в дирижаблях совершенно не были похожи на самолетные – здесь все было отделано под старину. Благодород-

ное мореное дерево, кожаные кресла, столики с напитками. Дирижабль летел относительно медленно, всего девяносто километров в час на крейсерской скорости, обычно держали километров восемьдесят. Полет на нем – был похож на полет на ковре-самолете: ни шума моторов, ни тесноты, ни воздушных ям. Дирижабль был слишком большим, чтобы с ним что-то случилось – если, конечно, не умышлят зло террористы.

Здесь, конечно же, был wi-fi, я достал нетбук, подключился. Проверил сперва нужные места – там, где меня могли ожидать сообщения, потом начал просматривать новости – все то же самое, ничего необычного. Мир то ли развивается, то ли катится ко всем чертям, то ли и то и другое одновременно. Потом – зашел на страноведческий сайт, начал изучать Танжер – пока виртуально, по спутниковой карте высокой четкости.

Танжер был городом-государством, не относящимся ни к одной нации, но находящимся под покровительством Франции. Африканской Франции, естественно. Он находился в чрезвычайно выгодном с географической точки зрения месте – в Гибралтарском проливе, отделяющем Средиземное море от Атлантического океана – поэтому сам Бог велел ему быть крупным и хорошо оснащенным морским портом. Он им и был, но не только.

В политическом отношении Танжер представлял собой свободный город и находился под покровительством Фран-

ции, хотя французские законы здесь не действовали и хотя он располагался на территории Испанского Марокко, неотъемлемой африканской территории Королевства Испания. У него не было собственной армии – зато здесь были расквартированы части французского Иностранного легиона численностью в две роты, полиция здесь была своя – но здесь же было представительство французской Сюрте. Которое что-то делало... но справиться с Танжером, наверное, не смог бы и весь Иностраный легион в полном составе.

Танжер был главным финансовым и операционным центром всей нелегальной деятельности в этом регионе мира, примерно таким же, как Гонконг или Могадишо, таким средиземноморским Гонконгом. В России – оплотом контрабандистов и торговцев наркотиками, главным центром по отмыванию денег считался Бейрут – но операции в Бейруте и близко не шли в сравнение с тем, что творилось здесь. Его конкурентами были Касабланка, Рабат и Канарские острова, где тоже были порты и хватало всякой преступности – но это не шло ни в какое сравнение с Танжером. Дело в том, что в Танжере не было нормального законодательства и не было нормальных законодательных органов, чтобы принять новые законы. Танжер управлялся мэром, который выбирался не жителями, а городским собранием из двадцати человек, каждый из которых представлял какой-то финансовый или криминальный клан. Законы не принимались, потому что невыгодно было их принимать: гражданское право здесь,

например, регулировалось Гражданским кодексом Наполеона 1802 года, а суды – работали на прецедентной системе права. Хотя и опирались они в своей работе на кодексы – но трактовали их, как хотели. Здесь до сих пор не существовало наказаний за многие известные в современном мире преступления – такие, например, как отмывание денег. Не было здесь и налогов – точнее, они были, но были минимальными, потому что ни армию, ни полицию содержать не приходилось, а органы власти здесь были минимальными и по численности, и по влиянию на жизнь города.

Танжер был главным центром доставки и распределения кокаина на всю Европу и на Российскую Империю, точно так же, как героин распространялся из Гонконга и Могадишо. Кокаин считался таким аристократическим наркотиком, менее опасным, чем героин, – исключительно потому, что его надо было вдыхать, а не вкалывать в вену. До двадцатых годов он и вовсе был разрешен: бонбоньерку с кокаином брали, отправляясь в высшее общество¹⁴. Кокаин производился в Южной Америке и перебрасывался сюда по воде и по воздуху, перехватывали хорошо, если пятую часть наркопотока. В самом Танжере располагались штаб-кварти-

¹⁴ Легальная наркомания начала прошлого века – сама по себе тема интереснейшая, почти нераскрытая. В Петрограде, после государственного переворота – разграбили все аптеки, где продавался кокаин. Значительная часть советских лидеров, возможно что и Ленин, употребляли наркотики, а Дзержинский, например, как и все члены первой коллегии ЧК, был законченным наркоманом, Дзержинский и умер от наркомании.

ры крупнейших преступных организаций европейского континента – прежде всего французских, итальянских и сицилийских, были и русские, и германцы. Они – твердо держали в своих руках розничную торговлю – конечное распространение, наиболее выгодный кусок. В аристократической и богатой Европе кокаин стоил три, пять, а то и десять цен нью-йоркской улицы, латиноамериканские кланы не раз и не два пытались прорваться на европейский рынок самостоятельно – но это никогда не заканчивалось чем-либо иным, кроме большой крови. Латиноамериканцы просто не знали местных правил и не могли играть по ним: бывшие и действующие сотрудники спецслужб на твоей стороне и работающие как часы машины гестапо и русского МВД – против тебя глобальные системы слежения и идентификации, применявшиеся ранее против террористов, но теперь работающие и против наркоторговцев, многолетние, выстраивающиеся поколениями связи. Торговец в Марселе, крупном центре наркораспространения на континенте, не купит у незнакомого человека, предложи он хоть какую цену – потому что продавец может быть тайным сотрудником гестапо. Торговец в Кельне не продаст незнакомому человеку, потому что и он может быть агентом гестапо. Латиноамериканцы просто привыкли к другой игре... более открытой и бесшабашной, они пытались диктовать условия здесь и налаживать контакты – но были схвачены гестапо так быстро, что не успели даже понять, что происходит. И схватили с санкции танжер-

ских кланов, которые просто сдали лезущих не в свое дело чужаков – до единого. Полиции тоже было в какой-то мере выгодно существование status-quo... всех наркотиков, которые идут сюда, не перехватишь, но наличие кланов, устанавливающих монопольно высокую цену, имеет многие преимущества. Высокая цена ограничивает наркоманию среди бедных... у бедняка просто не хватит денег на дозу, и вовлекать его не будут, потому что не окупится – денег нет. Употреблять будут только люди с деньгами, те, которые не пойдут на улицу с ножом добывать деньги на дозу. Да и то в небольшом количестве – потому что высокая цена ограничивает объем потребления. Кланов самостоятельно регулируют проблемы между собой, не допускают эксцессов, бандитских стычек и перестрелок на улицах. Они стараются выглядеть добропорядочными бюргерами или месье, создавая банки, вкладывая деньги в недвижимость, в другие легальные предприятия, – и тем самым они способствуют оживлению и развитию экономики. Согласитесь: это куда лучше, чем бандитские игрища колумбийцев и мексиканцев на улицах с перестрелками среди бела дня и несовершеннолетними наемными убийцами: вот почему на мексиканцев, пытавшихся проникнуть в Европу, местный преступный мир и гестапо обрушились, как тонна кирпичей с десятого этажа строящегося дома.

Вот таким был город Танжер, стоящий во главе всего. Гнездо организованной преступности, порт и одновременно – один из лучших курортов региона. Тебя здесь не огра-

бят местные подростки на улице и не обсчитает официант в таверне – потому что мелких жуликов могут вывезти в пустыню и бросить там связанными. Или вывезти в Атлантику на катере – в качестве приманки для акул. Там, где гнездовье орлов, – воробьям делать нечего...

Подали ужин на серебряных, а не пластиковых подносах, не так, как в самолете. За дижестивом мы собрались компанией: двое высокопоставленных приказчиков из Русско-Азиатского банка, товарищ управляющего из Донского, еще несколько человек из разных товариществ и обществ, трое военных, включая меня, – хотя я не совсем военный, я – флотский. Разговор – конечно же, о делах, о восстановлении после Второй мировой, о проникновении русского капитала в Африку и Латинскую Америку, о возможности торговли и открытия производств. Правильный капитал – всегда идет рука об руку с военной мощью, а правильное государство – всеми силами поддерживает экспансию своего капитала. Теперь, с наличием военных баз в Африке и перспективами в Латинской Америке – настала пора трогаться в путь и капиталу. Без экономического завоевания – военные победы не имеют никакого смысла...

Так что не зря, ох не зря, нас, военных и флотских, пригласили в свою компанию деловые, и не зря – накрывали стол: за один этот разговор о своих нуждах и чаяниях им у себя премии немалые выпишут...

Потом – погасили свет, и мы устроились в кроватях на

верхней палубе, а кто – и в выдаваемых по потребностям гамаках, как на стародавних судах. Летим, как плывем... хорошая все так штука, дирижабль...

В Танжер мы прибыли сразу после завтрака, утром. Дирижабль плыл над танжерским заливом, приближаясь к причальной вышке на холме Монтань. Внизу – безумие белых парусов и солнечные зайчики линз – дирижабль для многих был по-прежнему в диковинку...

В двадцать первом веке живем, господа...

Не выходя из аэропорта, я набрал телефонный номер из общественной кабинки. Собственно говоря, только ради этого я сюда и прилетел – ради одного телефонного звонка и возможной встречи. Генерала Тимура не найти просто так: нужны союзники. Причем – союзники с той стороны баррикад, которые имеют возможности действовать не совсем легальными методами и которых не воспринимают как государственных служащих. Такие союзники у меня были... возможно, были. Возможно...

– Манхэттен-банк, добрый день...

Конечно же, это был секретарь. Глупая кукла, которая сидит в присутствии и всем говорит именно это – добрый день. Телефон я нашел в адресной книге, а название конторы – в документах Отдела специальной документации МИД. У нас здесь есть консульство.

– Добрый день, сударыня. Извольте пригласить месье Микеле Альвари к аппарату.

– Не уверена, что он на месте, месье, возможно, вам будет удобнее поговорить с менеджером, он...

– Ничуть не удобнее. Мне нужен именно месье Микеле Альвари.

– Я посмотрю... как вас представить?

– Никак. Напомните ему про случай в Нью Эйдж Арена. Нью-Йорк, год назад.

– Извольте немного подождать, месье.

Микеле этот случай должен был помнить. Тот случай, когда он схватился с тремя совершенно потерявшими страх неграми, а потом – с ними пришлось разбираться уже мне – должен был заметно повысить его самооценку и самоуважение. А для итальянцев – это очень важно, в отличие от русских, им очень важно, что о них думают другие люди.

Трубку взяли быстро.

– Слушаю вас... – это был Микеле.

– Это я, Микеле...

– Дон Алессандри...

– Не называй имен. Я в аэропорту, можешь заехать? Есть дело.

– Не вопрос, дон Алессандри. У вас все нормально?

– Да, все в порядке. До встречи.

Я повесил трубку первым.

Работая в Нью-Йорке в такой опасной и скользкой сфере деятельности, как оказание частных охранных услуг и тор-

говля оружием, – нельзя не иметь дело с сицилийской мафией, которая пустила корни в этом городе еще в конце позапрошлого века. Сицилия – жестокое место, место, где смерти больше, чем земли, а умереть в постели от старости – невиданная роскошь. Долгие годы сицилийские крестьяне, спасаясь от кровной мести или просто желая лучшей жизни для себя и своих детей, на последние деньги покупали билет на пароход и в трюме, в каюте без окон, третьим классом отправлялись через океан. На той стороне океана – их никто не ждал, они встречали чужое, равнодушно или даже враждебно относящееся к ним общество, говорящее на другом языке: наверх надо было пробиваться зубами и когтями. Но им было не привыкать – ни пробиваться, ни голодать, ни работать на работах, которые не будет делать уважающий себя абориген. Как и у себя на родине, на Сицилии – они сбивались в стаи, селились в одних и тех же домах, потому что вместе выживать было легче. Они не спускали никому оскорблений на Сицилии, поддерживали обычай кровной мести – и не видели оснований к тому, чтобы менять свои привычки здесь. Так в Новом Свете появились люди, которые «отличались сдержанностью и зловещим спокойствием – эти черты отличали каждого члена организации, от князя и до последнего крестьянина – издольщика». Так говорил о мафии человек, который в тридцатых годах побывал на Сицилии и видел все своими глазами.

Мафия не росла сама по себе – ей дали укрепиться. Вы-

расти из просто организаций итальянских мигрантов – в параллельную власть, располагающую гигантскими деньгами, иногда сравнимыми с государственным бюджетом. Сначала – мафия поднялась на законе Уолстеда, или на сухом законе, – его отменили не потому, что он был неправильный, а потому, что у государства не было сил обеспечить его выполнение, потому что Америку наводнили шайки дерзких и жестоких преступников, перемещающихся на быстрых машинах хот-род¹⁵, вооруженные армейским автоматическим оружием и вступающие в бои не только с полицией – но и с мелкими подразделениями регулярной армии. Основные сливки от сухого закона сняла именно мафия, открывшая по всей стране десятки тысяч подпольных распивочных: мафиози были организованны, жестоки, они охватывали всю страну и имели достаточно денег для того, чтобы закупать крупные оптовые партии спиртного. Потом, годах в пятидесятых, до этого мафия притихла, в основном вкладывая деньги уже в легальный бизнес и продвигая идею центров игровых развлечений – появилось новое Эльдorado, сулившее прибыли, многократно превосходившие те, которые мафия получала от торговли спиртным. Кокаин...

Директором ФБР с 1921 по 1974 год в САСШ был Джон Эдгар Гувер – но он возвысился еще раньше, когда возглавлял ведомство Генерального инспектора при министерстве

¹⁵ Видимо искаженное от hot road, горячая дорога. Кустарно форсированные машины в САСШ появились именно тогда – для перевозки спиртного.

юстиции США, а это было еще в десятых. Гувер стал родоначальником и архитектором всей классической системы правоохранительных органов САСШ, создателем Федерального бюро расследований и Специальной разведывательной службы, первоначально просто ответвления от ФБР. До Гувера – министерство юстиции даже не могло вести досье на подозрительных граждан – это считалось нарушением прав личности. В стране не было нормальной разведки¹⁶, не было федерального правоохранительного органа – с преступниками боролись местные шерифы и полицейские управления городов, да сыскное бюро Ната Пинкертона, которое и было настоящим прообразом ФБР. Когда Гувер умер – фактически на своем рабочем месте, – в стране сложилась мощнейшая, не уступающая сыскной полиции и гестапо система внутреннего сыска, где хранилось досье на каждого американского гражданина. Именно Гувер в тридцатые и сороковые сыграл поистине выдающуюся роль в предотвращении еврейско-коммунистического мятежа в САСШ и приходе к власти троцкистов-коммунистов. В условиях тяжелейшего экономического кризиса подобный исход событий был вполне возможен: несколько миллионов американских

¹⁶ На самом деле она была. До появления ЦРУ – американская разведка называлась «Американский Красный Крест», и маскировалась она под благотворительную организацию. «Американский Красный Крест» тесно взаимодействовал с Госдепартаментом США и немало сделал, например, для революции в России в 1917 году. Одним из явных американских агентов в революции 1917 года был Троцкий.

семей голодало, забастовщики вели бои с американской армией и полицией, угрожая самому существованию государства¹⁷. Но вот мафию – Гувер не видел в упор, ФБР выпускало один меморандум за другим, где утверждала, что численность всех мафиозных группировок в стране не превышает... одной тысячи человек. Только после смерти Гувера, в семьдесят восьмом вышел шокировавший нацию меморандум, в котором численность мафиозных группировок оценивалась в полмиллиона человек, а бюджет мафии – в сто миллиардов долларов в год...

Мафия была частично побеждена в восьмидесятые и начале девяностых, когда президентами были Фолсом и Меллон-старший. Первый удар по мафии был нанесен законом RICO – Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act, закон о коррумпированных и попавших под влияние рэкетиров организациях. Закон, не совсем соответствующий Конституции и основополагающим принципам права, он позволял конфисковывать и сами такие организации, и их соб-

¹⁷ Мы мало что знаем реального о рабочем движении в САСШ. Например, осенью 1921 года в округе Логан, Западная Виргиния, шли бои шахтеров с частными детективами, нанятыми угольными компаниями, причем численность вооруженных шахтеров составила 15 000 человек. Бои прекратились только после ввода на территорию округа армии САСШ. В этом мире – Великая депрессия была короче по времени – но проходила она чрезвычайно тяжело во всем мире, потому что не удалось в 1917 году разграбить Россию. В САСШ она прекратилась только к сороковым, после избрания президентом национал-социалиста Хью Лонга и принятия им мер к стимулированию промышленности, аналогичных тем, какие в нашем мире применила фашистская Германия.

ственность без прямой связи с криминальным бизнесом.¹⁸ Второй удар, даже двойной, был нанесен со стороны криминального мира – были отменены поправки о сегрегации¹⁹ и допущено резкое разрастание мафиозной активности в соседней Мексике. Это привело к быстрому, в течение всего десятилетия, появлению и разрастанию до организаций национального масштаба негритянской мафии и скопища латиноамериканских мафий. На место уже остепенившихся итальянцев приходили другие преступники, они были молоды, голодны и злы.

Итальянская мафия мимикрировала. Больше – считалось бесчестьем заниматься наркотиками, мафия перешла из откровенно нелегальных сфер бизнеса в полулегальные. Городские подряды, выигрываемые по высоким ценам, вывоз мусора, службы такси, прачечные, ресторанчики. В новом веке – мафия специализировалась уже на исключительно легальных подрядях и делах, просто делаемых за счет коррупции, подкупа и разложения государственного механизма. И

¹⁸ В частности, этот закон прямо противоречит пятой поправке к Конституции САСШ, которая гласит, что ни одно лицо не может быть дважды привлечено к ответственности за одно и то же преступление. Американцам, которые так успешно ищут «недемократические режимы», – стоило бы взглянуть на себя.

¹⁹ В этом мире законы о сегрегации были отменены куда позже – в конце семидесятых. Как говорили – прежде всего, чтобы обеспечить черным возможность служить в армии – все тогда ждали высадки японцев на континент. На самом деле – это привело к резкому росту преступности, такому резкому, что пришлось возвращать ранее отмененную смертную казнь. В восьмидесятые из-за разгулявшихся негров во многих городах было страшно выйти на улицу.

за счет того, что бизнес, подконтрольный итальянцам, не платил дань негритянским и латиноамериканским бандформированиям.

Семья Альвари наследовала одной из пяти семей Нью-Йорка – Страччи, и входила в Комиссию – высшее объединение мафиозных главарей страны, где пять семей считались чем-то вроде высшего совета, определяющего мафиозную политику страны. Сама семья Страччи – развалилась под ударами ФБР и «Черных братьев» – в восемьдесят втором несколько негритянских боевиков ворвались на свадьбу и открыли автоматный огонь. Уцелевших собрал под свое крыло капореджиме семьи, Онофрио Альвари. После того, как он взорвал бомбу в одной из негритянских церквей во время службы и совершил еще несколько жестоких расправ над негритянскими официальными и неофициальными лидерами – его стали звать дон Онофрио Альвари. Он же – унаследовал место Страччи в Комиссии, высшем совещательном органе североамериканской мафии.

В Нью-Йорке я имел деловые отношения практически со всеми семьями, конечно – чисто деловые. Но только с доном Онофрио они переросли еще и в дружеские. Я не был членом одной из семей – для русского это было почти невозможно – но это не мешало регулярно получать мне приглашения на все семейные праздники Альвари и играть с этими людьми в карты и другие игры, в какие умел.

Зачем я был нужен дону Онофрио? По разным причинам.

Во-первых, я был опытным разведчиком и специалистом по безопасности – и это значило, что я мог достать самые современные системы противодействия прослушиванию, которые давали возможность спокойно жить и разговаривать. Североамериканцы, даже военные, так и не смогли расшифровать действие нашей системы подавления, основанной на скользящих помехах и нелинейных алгоритмах – а это значило, что бизнес дона Онофрио был хорошо защищен, и судебного преследования бояться не стоило. Для всех своих офисов дон Онофрио приобрел специальные машинки для уничтожения документов, которые их просто дематериализовывали, и систему компьютерной безопасности за десяток миллионов долларов. Эта система безопасности включала в себя мощный файерволл, через который не могли пробиться лучшие специалисты ФБР, систему коммерческого шифрования, разработанную для русских банков, которую можно раскалывать до морковкина заговения, и систему ключа. Как только человек уходит – он запускает процесс выключения компьютера, и система отрезает от базы данных кусок, помещая его во флеш-карту – и теперь, даже если компьютер изымут, если он попадет к расшифровщикам – они ничего не смогут сделать, если у них не будет оригинального ключа и пароля. И, естественно, систему электронного противодействия прослушиванию помещений. Думаю, агенты ФБР, занимающиеся прослушиванием социальных клубов в Бруклине, – сказали в мой адрес немало ласковых...

Во-вторых, дон Онофрио даже в старости был довольно любознательным человеком. И ему просто доставляло удовольствие дружить с русским дворянином, который для него был – как человек из иного мира. У дона Онофрио было четыре сына и две дочери – и они почти всегда присутствовали на семейных торжествах: по-моему, дон Онофрио просто хотел показать им, как должны выглядеть и действовать нормальные люди. Пусть он сам был закоренелым преступником – но своим детям он такой судьбы не хотел...

Зачем это было нужно мне? Для влияния, для чего же еще. У меня перед Североамериканскими Соединенными Штатами нет никаких обязательств, я просто делаю бизнес и приобретаю нужные контакты. Контакты, которые пригодятся потом либо лично мне, либо Империи в целом, друзей, которые в жизни никогда не бывают лишними.

К тому же – я искренне считал и продолжаю считать, что лучше всего иметь такую преступность, как семья Альвари-Страччи, чем такую, какую и мне довелось повидать. Мексиканские кланы и картели – с перестрелками на улицах, настоящими уличными боями, с обстрелами полицейских участков из пулеметов и гранатометов, с несовершеннолетними убийцами, которым нет и четырнадцати, но у которых на счету по несколько десятков трупов, с горами кокаина и золочеными пистолетами. Или «Черные братья» – горящие дома, растерзанные, убитые, избитые, изнасилованные люди и разломанная серверная с оборудованием за мил-

лион долларов – которое толкнут на базаре за пару тысяч, чтобы выручить деньги на дозу. Как говорится в одной хорошей песне: «Что тебе нужно – выбирай!»

Примерно через двадцать минут – я увидел пробирающуюся к зданию ВИП-терминала целую колонну. Огромный, удлинённый «Майбах», который в местной тесноте города-государства был как слон в посудной лавке, и следом за ним шел громадный, черный, увешанный хромированными кенгурятниками «Форд Экскурсион» – самый большой гражданский внедорожник в мире. Наш «Егерь», даже с самым удлинённым кузовом – и то был меньше его. Такие машины в городе, где большинство ездило на европейских микролитражках, – были вызовом и обществу, и конкурентам. Впрочем – это был самый безобидный вызов из возможных.

Через зеркальное, односторонней видимости окно я наблюдал за тем, как из «Майбаха» вышел Микеле – возможно, уже дон Микеле, потому что старший в этой семье, Пьетро – категорически отказывается иметь дело с каким бы то ни было криминалом и публично отрекся от семьи – а для итальянцев это как нож острый. Микеле был одет так, как одеваются боссы мафии – черная рубашка и белый галстук, костюм темно-серый, почти стального цвета – а не белый, как у латиноамериканцев. Впрочем, латиносы всегда отличались дурным вкусом и еще более дурным нравом. Микеле окружала охрана, выглядящая вполне профессионально.

Открыто она оружие не держала – не та масть, но вот чемоданчики я узнал. Нажал на кнопку на ручке – и у тебя в руке автомат.

Пора идти...

Прямо у машины – обнялись, как это было принято у итальянцев, в отличие от американцев, они не соблюдают личную зону полтора метра и всегда хотят обнять старого друга, которого давно не видели. А вот целоваться по русскому обычаю не стали – у итальянцев поцелуй между мужчинами считается признаком педерастии.

– Доброго здоровья, дон Алессандри. Как долетели?

– Спасибо, прекрасно. Доброго здоровья и тебе, дон Микеле и твоей семье. И удачи в делах, каким бы они ни были.

– Я не дон.

– И я тоже. Не забывай об этом.

– Как же тогда вас называть?

– Можешь – просто по званию. Я вице-адмирал русского флота. В отставке.

Про себя подумал – «наверное». В САСШ – я редко упоминал свое звание, чтобы не вызвать излишнего любопытства и вопросов. Там все знали мой дворянский титул, и этого было достаточно.

Микеле отступил в сторону:

– Прошу.

Кто-то попытался взять у меня из рук чемоданчик – но я вежливо оставил его при себе. А то мало ли...

В «Майбахе» – эту же марку машины предпочитал и я – было прохладно, темно, в отличие от жаркой улицы, здесь поддерживалось строго двадцать два градуса. Кресла здесь были – как высшем классе в самолете, они даже раскладывались в некое подобие шезлонга, и можно было поспать...

– Не ожидал вас здесь увидеть, синьор... – сказал Микеле.

– Прилетел дирижаблем.

Микеле понимающе кивнул. Все данные из аэропорта о прибывающих – моментально попадают туда, куда надо. Город полностью под контролем мафии, намного хуже, чем Лас-Вегас.

– Как поживает уважаемый дон Онофрио?

– Он купил ферму. И расширяет ее. Занимается скотоводством. Здесь есть хорошие места для этого.

Микеле помолчал и добавил:

– Мы простые люди, синьор Алессандро. Родом из крестьян, поэтому моего отца и тянет так к земле и простому крестьянскому труду.

– Честному, заметь, труду.

– Да, честному, синьор.

Что касается последнего – то я в это не слишком верил. С дона Онофрио станется отправлять кокаин в Европу в замороженной говядине.

– Я вижу, вам удалось выбраться сухими из воды, да, Микеле?

– Да, синьор. Лучше не спрашивайте... Люди говорили,

что вы выступили на стороне власти и погибли.

– Меня не так просто убить. Хотя меня вывезли оттуда едва живого.

Я не стал уточнять – откуда именно.

– Вы странный человек, синьор Алессандро. Зачем вы защищали власть, ведь это – не ваша власть и не ваша земля?

– Откуда ты знаешь?

– Не ваша, синьор, – повторил Микеле.

Может, и в самом деле – не моя. В драке самая лучшая позиция – наблюдать со стороны, как дерутся другие. Но не говорить же правду...

– Видишь ли, Микеле, я дворянин и офицер. В этом качестве я должен действовать во благо Родины и Престола и предпринимать все возможные действия к усилению Империи. Великобритания – наш вековечный враг, это страна, которую населяют подлые и злонамеренные люди, причинившие много зла моей стране. Поэтому я и воевал не столько за Североамериканские Соединенные Штаты, сколько против Великобритании, потому что враг моего врага вполне может быть моим другом. Особенно если сам захочет подружиться. Точно так же и Российская Империя – вступила в войну не на стороне САСШ, а против Британской Империи. Мы победили ее – и теперь будем делать все, чтобы она не смогла подняться. Потому что, если она поднимется, – будут новые войны и новые злодеяния, понимаешь?

– Да... – кивнул Микеле. Все-таки он тоже в душе – оста-

вался очень простым и бесхитростным человеком. Это Kapoorджиме, советник – должен окончить университет и быть хитрее самого Макиавелли. Дону – достаточно быть жестоким и ничего не прощать.

– Как вас здесь приняли?

Микеле зловеще улыбнулся:

– Наша семья, дон Алессандро, не нуждается в том, чтобы ее кто-то принимал. Мы сами приходим туда, куда считаем нужным. И мы пришли сюда не вчера, понимаете?

Понимаю... Значит, у семьи уже были дела в Танжере, и когда в САСШ стало действительно жарко – они просто переехали сюда.

– Возвращаться не собираетесь?

– Пока непонятно, что будет, лучше держаться от всего этого подальше. Да и отец – говорит, что за Африкой – будущее, двадцать первый век.

Возможно, что так оно и есть...

Немного отвлекаясь – а знаете, почему Микеле оказал мне такое уважение и встретил лично в аэропорту? Нет, не потому, что мы с ним знакомы и как-то раз набили морды трем неграм, стоя спиной к спине. А потому, что я вице-адмирал Русского флота. И потому, что у нас на атлантическом побережье Африканского континента строятся две крупные постоянные базы ВМФ и ведутся переговоры еще об одной. Здесь, в Танжере, да и во всех других местах, контролируемых преступными синдикатами, – важно не то, что ты есть,

а то, какое впечатление ты производишь на людей. Возможность безнаказанно, раз за разом совершать преступления, не неся ответственности, – базируется на страхе и уверенности окружающих в том, что это так и должно быть. Микеле встретил меня столь демонстративно именно потому, что в аэропорту явно были наблюдатели от других кланов. И уже вечером – они будут знать мое имя и звание. И тогда возникнет вопрос: какие отношения у семьи Альвари с русскими. Нужные люди – вспомнят, что я и в Нью-Йорке поддерживал отношения с Альвари более чем просто деловые. И теперь – если кто-то из конкурентов захочет затронуть деловые отношения семьи Альвари – он поневоле задастся вопросом: а чем ему это может грозить? Ничем? Или семья Альвари – в какой-то мере представляет интересы русских в регионе, и, затронув Альвари, ты затрагиваешь русских? Это принципиально важный момент, и для многих он может стать тем самым камнем на чаше весов. Так что – Микеле заплатил бы мне, если бы мог и осмелился предложить – чтобы я приехал к ним в Танжер.

– Твой отец мудрый человек, Микеле. Жизненно мудрый...

Микеле ничего не ответил. Но я знал, что похвала ему приятна.

– Как ваш бизнес здесь? Процветает?

– Если бы... Толкаемся локтями. Скоро ферма отца будет приносить больше дохода, чем банк. Слишком много людей

на одной квадратной миле суши...

Мигая фарами, взревывая клаксоном-крякалкой, наш небольшой конвой пробился через городские пробки, подкатил к блокпосту. На нем стояли бойцы Испанского иностранного легиона, я наблюдал с интересом...

Все было проще, чем я думал. Мигнув фарами, «Майбах» вырвался из общей очереди на обочину, покатился, вздымая в воздух столбы пыли, «Форд» не отставал. Никто и не подумал нас остановить для проверки, испанский легионер просто поднял перед нами шлагбаум, и мы прокатились дальше – без очереди...

– Зачем только шлагбаум поставили... – сказал Микеле, – десять тысяч песет в месяц...

– Это много? – поинтересовался я, потому что не знал курса песеты.

– Достаточно... На машину хватит...

И в самом деле много...

За Танжером – было уже испанское Марокко. Какая-то серая, выжженная солнцем земля чередовалась с зелеными рощами и серо-бетонными прямыми, как стрела, полосами акведуков. Дорога была хорошей, бетонной, со стальными отбойниками. Мы пролетали мимо деревенок и маленьких городков – архитектура типично ближневосточная, с плоскими, а не островерхими крышами, без чердаков, сами здания – одно не похоже на другое, лепятся чаще всего к склонам холмов. Тут же – безумие зелени, работают системы оро-

шения. Марокканские фрукты ценятся во всем цивилизованном мире, производят тут и неплохое, напоенное африканским солнцем вино.

Потом – мы прошли еще один блокпост, и теперь перед нами – было уже Французское Марокко, которое ничем не отличалось от испанского, только тут было еще жарче. Орошение тут было почти что сплошное, куда ни глянь – серые трубы, наполовину закопанные в землю...

Потом – мы свернули с дороги и, проехав примерно с километр, – подкатили к воротам. Тут уже стояли не легионеры – а явно что бандиты на североамериканском, новеньком «Шевроле Тахо» неуместного здесь черного цвета. Машина откатилась в сторону, пропуская нас, – и я увидел коров.

Это были африканские коровы, не совсем такие, как наши. Круторогие, цвета глины, больше, чем наши, – они стояли под солнцем, подобно скульптурам, и щипали траву, которая выживала под солнцем только благодаря орошению...

– Твой отец держит скот на воле?

– Да, как это делал его дед. Зато мы продаем их мясо втридорога, как мясо свободных животных, оно хорошо идет...²⁰

– Разумно...

Дона Онофрио мы нашли во дворе. Он был одет в старую

²⁰ В Европе и в нашем мире так и есть. Мясо свободной буренки, которая паслась на лугу, – ценится намного больше мяса буренки, которая стояла в четырех стенах в бетонном комплексе.

рабочую одежду синего цвета, большую соломенную шляпу, он давал задание стоящим перед ним черным пастухам на чистейшем сицилийском диалекте итальянского, и те слушали его с большим почтением. И кажется, даже понимали его...

Закончив давать указания и отправив пастухов властным жестом руки, дон Онофрио повернулся к нам. Его загорелое лицо было счастливым... возможно, на склоне лет человек все-таки понял, как приятно заниматься честным трудом.

– Алессандро! Микеле! За стол, за стол...

В тени большой веранды – стоял стол, за который мы и сели – у веранды не было пола, и ножки стола и стульев, на которых мы сидели, стояли прямо на земле. Какая-то девочка из местных, чистенько одетая и очень даже недурно выглядящая, – принесла нам лимонад. Лимонад здесь – это не то, что обычно пьют из купленной бутылки, – а напиток с настоящей водой из колодца, с настоящим соком только что выжатого местного лимона и с настоящим льдом из ледника. Приносившая напиток девушка лукаво подмигнула мне и улыбнулась...

Микеле толкнул меня локтем.

– Мы зовем ее heartbreaker, разбивательница сердец. Отец, конечно же, хочет подобрать нам невест с Сицилии...

– Микеле! – провозгласил дон. – Веди себя, как подобает.

Микеле замолчал.

– Что вы скажете о нашей ферме, синьор? – спросил дон

Онофрио, потягивая напиток.

– Скажу, что нет ничего лучше, чем работать на земле, дон Онофрио.

Дон Онофрио просветлел лицом.

– Вот! – наставительно сказал он, подняв палец. – Все эти акции, облигации, учет векселей и валютный обмен, все это не стоит коровьего дерьма, вот так то! Люди всегда будут хотеть есть! Люди всегда будут пить молоко, есть мясо и апельсины, пить лимонад, как это делаем сейчас мы! И земля... пока она продается, ее надо покупать, потому что Господь не даст нам другой земли! Слышишь, Микеле, что я говорю?

– Слышу, дон Онофрио... – смиренно отозвался Микеле.

– А все эти бумажки... что сейчас стоит Уолл-стрит?

Плевка не стоит...

Дон Онофрио прошептал какое-то проклятье, и я понял, что потери семья все-таки понесла.

– Это чрезвычайные обстоятельства, – сказал я.

– Это жадность! Жадности до земли... до денег... до власти. Каждый из нас должен кушать свой кусочек хлеба с оливковым маслом и говорить Господу: спасибо за прожитый день и за пищу, которую он послал нам. Кто откусит большой кусок и будет есть его жадно, как свинья, – тот подавится и умрет!

За лимонадом последовало кое-что более серьезное, уже настоящая еда. Куски серого, ноздреватого, явно домашней выпечки хлеба, который надо было есть, предварительно об-

макнув краем в мисочку с натуральным оливковым маслом, и еще было мясо. Мясо было копченым и нарезанным тонкими ломтями, оно было похоже на испанский хамон, но если хамон едят, отрезая от окорока, – то тут оно было нарезано.

– Вкусим плоды сей благословенной земли, – сказал дон Онофрио, – и возблагодарим Господа за пищу, которую он послал нам.

Дон Онофрио, как старший за столом, прочитал молитву, после которой мы хором сказали: «Аминь» – и принялся за еду. Мы последовали его примеру.

После этого – нам принесли тарелку риса с морепродуктами, которые были выловлены недалеко отсюда: рис был приправлен какими-то местными африканскими специями, он не был похож на тот, что я ел на Ближнем Востоке. После этого – мы выпили еще холодного лимонада. После чего, увидев, что дон Онофрио распоряжается об очередном блюде, я запросил пощады. Итальянцы очень много едят, и просто удивительно – как не толстеют...

– Здесь не растут оливки, – сказал дон Онофрио. – Матерь Божья, здесь не растут оливки. Что бы я ни делал, как бы ни поливал их, они растут какими-то жесткими и без сока. Как может хозяйство настоящего итальянца быть без оливок, вот скажите мне...

– Вероятно, каждому фрукту своя земля, дон Онофрио.

– Да, да... Но я не могу вернуться на родину, там меня ожидает ордер на арест. Бедные дети, они не заслужили того,

чтобы навещать отца в тюрьме...

Уважительная причина.

Без помощи сына дон Онофрио поднялся и заковылял к дому. Воздух буквально звенел от жары...

– Как он? – Я показал взглядом на дона Онофрио.

– Нас с тобой переживет... – несколько непочтительно ответил Микеле.

Внутри большого, полностью перестроенного поместья, все было так, как и в домах на Сицилии, – только пол все же деревянный, а не земляной. Простая, грубоватая мебель, белые, чистенькие занавески на окнах, в которых даже не было стекол, – только ставни, чтобы закрывать их на ночь. Фотографии на стенах...

Дон Онофрио сел за стол, чуть отставив ногу, в которой была искусственная коленная чашечка, со стуком прислонил к стене палку.

– А вот теперь можно поговорить о делах... – сказал он.

– Я приехал издалека и нуждаюсь в дружеском совете, дон Онофрио... – сказал я.

– Друзья на то и существуют, чтобы дать дружеский совет, коли в том будет необходимость.

– И возможно, за помощью, но сначала за советом...

– И помощь... какой разговор между настоящими друзьями.

Слова про дружбу не должны были обманывать – здесь просто так ничего не делается, и за любую помощь придет-

ся расплачиваться потом. Но если тебя считают другом – то помочь, конечно же, помогут...

– Моя страна страдает от террористических нападений, дон Онофрио. Взрываются бомбы, гибнут люди, вся вина которых заключается в том, что они оказались не в том месте и не в то время. Разве это не *infamia*?²¹

Дон Онофрио показал рукой знак, разрешающий продолжать.

– Государство, точнее, государства – могут позволить себе наличие анклавов, таких, как Танжер. Анклавов, в которых нет четко установленных правил и выигрывает самый сильный и самый хитрый – как зверь в джунглях. Но государство может себе позволить существование таких анклавов только до тех пор, пока оттуда не исходит системной угрозы самому существованию государства и общества. Если она есть – государство просто обязано вмешаться.

– Это угроза?

– Нет, это констатация факта. И призыв к самоочищению. Нужны ли вам – хавала и исламские экстремисты в вольном городе, скажите мне, дон Онофрио?

– В Городском совете нет ни одного из тех, о ком ты говоришь.

– А вне его? Разве Городской совет не должен заботиться

²¹ Иносказательное слово, означает бесчестье. Пошло из Древнего Рима – там, к магистратской службе не допускали лиц с сомнительной репутацией. Вот это слово и означало такую ситуацию.

о том, что происходит за стенами ратуши?

Дон Онофрио немного помолчал, собираясь с мыслями и подбирая слова для ответа.

– Видишь ли... мы знаем о том, что что-то происходит. Что-то – потому что мы не хотим знать, что именно. В нашем государстве действуют правила: ты можешь заниматься всем, чем угодно, пока это не мешает другим. Мы знаем о том, что в городе есть люди, которые... недолюбливают власти. Но они не приносят никакого вреда нам, и мы – не приносим никакого вреда им. Мирное сосуществование.

– Один человек, дон Онофрио – и это был мудрый, повидавший жизнь человек, сказал: «Нельзя позволить ядовитым змеям свить гнездо в твоём саду даже при наличии молчаливого соглашения о том, что вместо ваших они будут кусать соседских детей. Рано или поздно они вернутся и покусают вас и ваших детей»²². Я не пытаюсь вам угрожать, потому что это бесполезно, и я знаю об этом. Я взываю к вашему здравому смыслу. Эти люди – к ним нельзя относиться, как к обычным людям, потому что это религиозные фанатики и террористы. Религиозные фанатики и террористы! Вы, дон Онофрио, и те люди, которые давно живут в этом городе, – в своей жизни руководствуетесь деловыми и христианскими мотивами, поэтому с вами можно договориться. Мы, русские – руководствуемся теми же самыми мотивами, а вот эти – нет. Эти люди ненавидят мир, в котором живут, с

²² В нашем мире это высказывание генерал-полковника Дэвида Е. Петреуса.

ними бессмысленно о чем-то договариваться – это все равно, что договариваться с собственным палачом: смерть, мучительная или не очень – все равно неизбежна. Эти люди не руководствуются деловыми соображениями, для них все, кто не такие, как они, – подлежат смерти, если дать им волю, они убьют всех нас. Посмотрите, что они натворили в Бейруте, в Тегеране, в Кабуле. Это были нормальные города, в них жили люди, может – хорошие, может – не очень. Но они ради достижения своих целей, своих идеалов – а они идеалисты – убивали всех, кто попадал под руку. Вы хотите, чтобы это произошло с Танжером? Подумайте, кто придет вам на помощь? У вас нет армии, нет полиции – Бейрут и Тегеран живы только потому, что мы, русские, пришли и выгнали их оттуда силой оружия. Посмотрите, что было в Кабуле несколько лет? Разве этого вы хотите? Разве такой мир вы строите для своих детей?

Было видно, что дон Онофрио напряженно думает. Мои слова – все-таки дошли до него.

– Мы знаем, русский, что это за люди. Не сказать, что мы звали их сюда, но они пришли, и пришли достаточно давно. В этом мире... погрязшем в грехах, должно быть место вере...

– Но такой ли вере?!

– Ты меня не дослушал. Наш город – вольный город. В него может прийти любой. Если в него – придешь, скажем, ты – мы примем и тебя так же, как приняли их. Это все, о

чем я могу сказать тебе, русский. Это все.

Обратно – мы возвращались уже по ночи. Микеле был мрачен.

– Это отказ? – поинтересовался я.

– Нет... – сказал он. – Я уверен, что отец заведет этот разговор во время следующего собрания Копполо²³. Не думаю, что ему сильно нравится то, что происходит в городе. Но никто из нас не имеет права начинать здесь бойню, за это – убьют нас же самих.

– А что происходит в городе? – спросил я.

– Те, о ком ты говоришь, в городе есть, и их все больше и больше. В Танжере – не хватает рабочих рук, и когда-то – эти рабочие руки поступали из Британской Индии. С ее северных провинций. Никто не хотел знать, что думают эти люди и во что они верят, на них смотрели, как на рабов, только и всего. Как на бессловесных рабов. Их завозили французы, их завозили испанцы... в свое время – вообще были мусульманами. Но теперь становится все хуже и хуже. Почему я езу с таким эскортом, скажи мне?

– Хороший понт дороже денег?

Микеле недоуменно уставился на меня.

– Что есть понт?

Я объяснил, что такое «понт» в Одессе. Микеле расхохотался.

²³ Копполо, Купол – высший совет мафиозных боссов Италии.

– Это хорошее слово... пусть и трудное для меня. Но нет, дело не в этом. На французских территориях есть Касба, на испанских – Арма де либерасьон. Они нападают... убивают... в Танжере этого нет, но здесь, на французской территории, становится все менее спокойно. Я больше опасюсь их, чем кого-то другого.

– Почему же не опасается дон Онофрио?

– Он считает, что его авторитета будет достаточно.

– А ты, как считаешь, Микеле?

Вопрос был опасным. Сын не мог идти против воли отца и дона. Но идти – можно было и по-разному.

– Я считаю, что авторитет ничто, если он не подкреплён силой оружия и добрыми друзьями за спиной... – глядя мне в глаза, сказал Микеле.

Я протянул ему руку. Соглашение, хоть и частичное, состоялось.

– Я хочу, чтобы меня здесь правильно поняли. Мы все равно будем заниматься этой проблемой, хотите вы этого или нет. Только из уважения к дону Онофрио и к другим жителям этого города – я навестил вас и рассказал о своих намерениях вместо того, чтобы просто начать действовать. Эти люди – вам не родные, они чужие. Если вы думаете, что Танжер огорожен высокой стеной от всего остального мира... что же, так думал шахиншах Мохаммед, который разместил вокруг своей столицы сорок процентов своей армии. И что произошло с Тегераном? Гнилое яблоко надо выбрасывать

из корзины, пока не сгнила вся корзина.

Микеле кивнул, соглашаясь с известной сицилийской поговоркой. Даже если дон Онофрио и Копполо окончательно откажут – какая-то поддержка все-таки будет. С русским Престолом они ссориться не будут.

**Примерно то же самое время
Итальянское Королевство, Рим
11 июня 2013 года,
день рождения Короля**

*Ах, короли, короли, короли!
Стали вы вдруг негодными...
Может, для этой поганой земли
Слишком уж вы благородные?!
Ах, короли, короли, короли!
Ах, короли благородные!
Было дано вам, а вы не смогли —
Чучела вы огородные!*

*Д. Харатьян
Короли*

В свой сорок пятый день рождения – Король Италии проснулся в своем замке в холодном поту задолго до рассвета. По привычке он спал отдельно от жены, и защитить его от проходящих в ночи кошмаров было некому и нечему...

Принц Эммануил получил титул Короля Италии Виктора Эммануила V несколько лет назад в возрасте тридцати семи лет. Нет, его отец не умер – он просто отрекся от власти по неизвестным причинам и уехал в Швейцарию, где жил в позорном морганатическом браке с дамой, младше его на со-

рок лет, журналисткой, от которой успел прижить двоих детей. Державу он бросил на сына – про такие случаи говорят: как эскадрон сдал.

Сын с тех пор не сделал ни единой попытки увидеть отца.

В народе говорили, что они «поменялись местами» – не лучшее, что могут говорить о члене Августейшей Фамилии, тем более о Царствующей Особе. Есть такой нехороший анекдот... подросток врывается в обеденный зал и гневно выговаривает родителям – вы мне больше не указ, я теперь совершеннолетний и прямо сейчас уйду из дома. Пойду в ночное заведение, пить, гулять и веселиться с барышнями. Отец молча встает... отрок запальчиво выкрикивает – и тебе меня не остановить, рара! А отец и отвечает – да я вовсе не собираюсь тебя останавливать, я с тобой пойду. Вот как-то так... строилась жизнь в итальянском Правящем Доме.

До тридцати шести лет – Наследник большей частью находился либо в Швейцарии, где постигал тайны финансового права, либо в таких местах, как Монако, Марсель, Ницца или германский Баден-Баден. Там он играл на деньги, разбил пару спортивных машин, имел громкие романы с представительницами европейского бомонда – актрисы, певицы, а то и куртизанки высокого класса. Попыток к тому, чтобы хоть как-то вникнуть в дела страны, которой ему рано или поздно придется править, – он не предпринимал. Зато его имя оказалось вовлечено в несколько некрасивых финансо-

вых афер, к которым наследнику европейского престола не пристало бы иметь какого-то касательства.

Вернувшись в Италию по настоянию отца, он меньше, чем через год, принял Престол.

Ознакомившись с делами в своей суматошной, беспорядочной, пропитанной коррупцией, с колониями, которые надо было удерживать монархии, Виктор Эммануил V пришел в ужас, в котором и пребывал по сей день...

Но это не значит, что он ничего не делал.

В Викторе Эммануиле V была черта, которую почти никто не подмечал, но которая составляла все существо его не такого уж плохого правления. У него, как у любого человека с образованием финансиста, доминирующей чертой характера был здоровый, хладнокровный цинизм, а навыки профессионального карточного игрока дали ему навыки мгновенного принятия решений и расчетливость. Это были не слишком плохие черты характера... для Премьер-министра, но не для Короля. Король все-таки должен был быть неким недостижимым моральным авторитетом. И соизмерять свои шаги он должен был – прежде всего с моралью, и только потом с выгодой – о выгоде должен заботиться Премьер-министр. Но, увы... в Италии не было нормальных премьеров начиная с Муссолини... и кому-то надо было быть этим Премьером. Хотя бы и Королю.

Прежде чем рассказывать, что произошло дальше – немного отвлекусь на историю.

Историю современной Италии нельзя понять без понимания роли в ней прожженного дельца Бенито Муссолини. Коммунист до двадцать первого года, поддерживавший связь с Бронштейном и нелегальной террористической организацией Коминтерн через свою любовницу Анжелику Балабанову²⁴, – после Первой мировой войны он совершил примерно тот же маневр, что и Борис Савинков, по странному стечению обстоятельств тоже военный журналист. Война наглядно показала, что разделение по линии «свои – чужие» намного актуальнее, чем «бедные – богатые», и никакая справедливость не играет роли, если твоя страна теряет половину своих заморских территорий за один день. Муссолини был в Африке и присутствовал при рождении Четвертой Республики²⁵. Он видел, с какой яростью, забыв о классовых и прочих противоречиях, люди, военные и гражданские, сражались за свое детище, за свой дом, который стоял не на жирных почвах долины Луары – а на иссушенной солнцем земле Африки. Позабыто было все и сразу – аферы, споры в парламенте, вражда, разбирательства относительно того, по чьей вине они, одна из самых высокоразвитых наций мира, оказались здесь, на каменистых холмах Африки. Ничего из этого не имело значения – у них была своя земля,

²⁴ Все это правда. Муссолини встречался даже с Лениным. В двадцать первом, встречаясь с делегацией итальянских коммунистов, первым вопросом Ленина было: а где же Муссолини?

²⁵ Четвертой Республики Франции – когда изгнанные с континента французские военные основали государство на территории современного Алжира.

какая бы ни была, и они не намерены были ее отдавать ни германцам, ни англичанам, ни даже русским. Рейхсвер поопасался связываться – попробовал на прочность, понял, что тут можно задержаться, и пошел дальше, в глубь Африканского континента, где ждали куда более значимые территориальные призы.

Именно оттуда Муссолини вынес учение о единстве нации, о едином национальном организме, военном и рабочем. Остатки бродившего в его голове марксизма он соединил со своими наблюдениями, полученными в новорожденной Четвертой Республике – и получился национал-социализм. Одним из его символов стал пучок, связка – это восходило к любимым примерам Муссолини: несколько веток можно переломать по отдельности, но гораздо сложнее вместе. Связка по-итальянски – фаши, фашина. Поэтому – строй, который установился в Италии к концу двадцатых, стали называть фашизмом.

При фашизме – Муссолини начал объединять Италию, иногда жестокими методами – но тот, кто считает, что этого не нужно было делать, – взгляните на карту Италии за пятьдесят-шестьдесят лет до этого. Феодалная раздробленность! Были люди, которые еще помнили, как на территории, размером с небольшую русскую губернию, – уживались с десятком государств. А Папская область? Именно Муссолини – придя к власти, резко и жестоко ограничил и власть папы, и занимаемую им землю. Ему были оставлены только Вати-

кан – крошечный кусок земли в центре Рима – и летний замок Гандольфо. Все другие папские земли – а до этих мероприятий они разделяли итальянский сапог надвое – были реквизированы в пользу Короля. Которому было ни холодно, ни жарко от этого – он просто устранился от управления.

Именно при Муссолини численность городского населения Италии превысила численность сельского и в Италии появилась приличная промышленность. В основном легкая – после оккупации Франции итальянцы удачно воспользовались ситуацией. Но и тяжелая была – например, Муссолини удалось развить до достойного уровня такие отрасли, как кораблестроение, автомобилестроение, оружейное дело. При нем – впервые за, наверное, всю историю современной Италии люди перестали бежать в Североамериканские Соединенные Штаты, как на Землю Обетованную. Тот, кто видел отходящие трансатлантические корабли из итальянских портов с их переполненными, как во время войны, трюмами – поймет, о чем я.

Муссолини нанес сильнейший удар по мафии. Общеизвестно, что Италия, формально единая – на самом деле оставалась (и сейчас остается) поделенной на индустриальный Север и аграрный Юг. Это не формальное деление, на Юге и на Севере существует два разных типа общества: крестьянская община на Юге и гражданское, довольно разрозненное общество на Севере. Муссолини, отдавая явное предпочтение Северу, раз за разом посылал армейские отряды на Юг,

разбираться с мафией. Местности, где мафия глубоко пустила корни, объявлялись на военном положении, вместо судов вводились военные трибуналы, озверевшие солдаты в ответ на убийства однополчан создавали карательные эскадроны смерти – из марксизма Муссолини почерпнул, что цель оправдывает средства, и применял это правило с методичной жестокостью. В некоторых местах мафия была разгромлена полностью, на Сицилии – вспыхнуло движение сепаратистов, несколько лет велась гражданская война. История Италии при Муссолини – это история войн, больших и малых, и хотя ему не удалось исполнить мечту о *mare nostrum*²⁶, он шел к ней, шел последовательно и сделал для нее больше, чем любой итальянец со времен Империи²⁷. Надо сказать, что хотя Муссолини, имевший титул Первого министра, подчеркнуто лояльно обращался с Его Величеством, на самом деле он делал все, что в голову въедет, не спрашивая ни королевского совета, ни мнения.

Муссолини погиб в пятьдесят девятом – очередное покушение, явно срежиссированное на Лонг Айленде²⁸, увенчалось успехом. С этого момента – Италия покатилась в пропасть.

Муссолини оставил после себя систему, которая могла

²⁶ Наше море – имеется в виду, что Средиземное море со всех сторон должны окружать земли, принадлежащие Италии.

²⁷ Римской Империи.

²⁸ Логово итальянской мафии, пяти семей Нью-Йорка.

нормально существовать и управляться лишь очень опытным человеком. Одна законодательная власть – девятьсот сорок пять (!!!) парламентариев, из них триста десять сенаторов (в том числе сто пожизненных), вдвое больше депутатов, на треть избираемых народом, на треть выдвигаемых корпорациями, на треть назначаемых Первым министром. Чтобы рулить всем этим, нужны были недюжинная воля, политическое чутье, вера в предназначение – ничего этого у преемников Муссолини не было.

Началось все с нижней палаты Законодательного собрания. Как много видевший в жизни журналист и вообще осведомленный человек, Муссолини знал, сколь разрушительным может быть рабочее движение в первом поколении. Это когда рабочие уже работают на заводах – но помнят деревенскую общинность и спайку. Не желая воевать с рабочим движением, решив опередить события, он приказал создать вместо профсоюзов корпорации, в которых были представлены интересы как рабочих, так и работодателей. Этим корпорациям он бросил кость – в виде права избирать из своих рядов треть депутатов для защиты своих интересов. Корпорации моментально увязли во внутренних разборках, причем рабочие участвовали в них ничуть не меньше, чем работодатели, позабыв о своих классовых (по Марксу) интересах. В итоге – во время правления Муссолини, во время индустриализации Италии, потенциально очень опасного времени – число рабочих стачек не только не возросло, но и снизилось!

Последним резервом Муссолини был актив депутатов, которых он назначал лично. Про него можно было много говорить – но еще никто не смог доказать, что Бенито Муссолини назначил человека на тот или иной пост за взятку.

Что произошло после смерти Муссолини? При своей жизни – он очень ревностно отстаивал права мелких торговцев и ремесленников – настолько рьяно, что из-за этого становился посмешищем в просвещенных кругах. Никто и подумать не мог, для чего это делалось – а ларчик просто открывался. Мелкие торговцы и ремесленники – самый консервативный и антиреволюционный класс в обществе, им некуда бежать, у них есть небольшая собственность, небольшое дело – но за них они глотку готовы перегрызть. Так получалось, что они занимали большую часть главенствующих мест в тех или иных корпорациях – они были храбрее и напористее рабочих, у которых просто не было ни времени, ни сил отстаивать свои права – и, попадая в Палату Представителей, были активом Муссолини. Когда Муссолини умер – защищать мелких лавочников стало некому, правительства менялись с регулярностью смены времен года – и мелкие лавочники переходили на сторону оппозиции, делая законодательную власть неуправляемой. Потом случилось нечто более худшее – корпорации начали распадаться – в них больше не видели средства отстаивания своих интересов, правительство их не слышало. На место корпораций приходили профсоюзы, в которых большинство было за рабочими, в том числе за рабочи-

ми, зараженными коммунизмом. Так, за какие-то двадцать лет политический ландшафт страны изменился до неузнаваемости.

В восьмидесятом году итальянские коммунисты попытались взять власть в стране.

Двадцать второго мая восьмидесятого года на очередных парламентских выборах коммунистическая партия Италии получила большинство голосов. Ситуация в стране уже была нездоровой – троцкисты поднимали голову, свирепствовал террор, людей теперь похищали не просто так – а чтобы получить деньги на революцию, это называлось красивым словом «экспроприация». Вместе с голосами профсоюзников и фрондериствующих депутатов – назначенцев – у них получилось большинство в нижней палате парламента.

Двадцать четвертого мая восьмидесятого года Его Величество Король отказался принять председателя КПИ Лучано Спаги, как это предписывает протокол, – для утверждения сформированного коммунистами правительства. По свидетельствам очевидцев – отказ был совершен в грубой, почти хамской форме, недостойной монарха.

Двадцать пятого мая восьмидесятого года Его Величество Король распустил всю Нижнюю палату и отказался назвать дату досрочных парламентских выборов. Было понятно, что и на очередных выборах большинство голосов будет у КПИ, возможно даже, конституционное большинство, учитывая последние события и вызванное этим недовольство народа.

В тот же день начались беспорядки студентов – студенты всегда были наиболее радикальной и легкой на подъем частью общества.

Двадцать шестого мая восьмидесятого года Его Величество Король ввел в стране чрезвычайное положение и своим указом повелел главе Христианско-социальной партии (премницы партии Муссолини) Альдо Мори сформировать правительство, не опирающееся на парламентское большинство.

Двадцать девятого мая восьмидесятого года Альдо Мори похищен на улице, его конвой расстрелян. Как потом окажется, в ловушку его завлекла родная дочь, тайно сочувствующая коммунистам. На улицах появляются войска.

Второго июня восьмидесятого года марешало (капрал) элитного седьмого полка берсальеров Джузеппе Марио Беррарди застрелил в спину командира, приказавшего ему открыть огонь по студентам, перекрывшим улицу баррикадой и бросающим бутылки с зажигательной смесью. Это стало прологом к военному мятежу.

Пятого июня восьмидесятого года в перестрелке на улице погибает депутат Законодательного собрания Лучано Спаги. По свидетельствам очевидцев – моряки элитной Десятой катерной флотилии (Дечима МАС) не пытались его арестовать, а просто открыли огонь на поражение по нему и по его людям.

Седьмого июня восьмидесятого года в редакции газеты «Иль Попполо ди Италия» (Народ Италии) раздается теле-

фонный звонок. Грубый, совсем не студенческий голос предлагает прячущимся в редакции от погромов (газета официальная) журналистам выйти на улицу и вскрыть багажник старой белой «Альфасуд», припаркованной напротив. Благодарный человек, наверное, вызвал бы полицию – в багажнике могла быть бомба – но журналисты бегут вскрывать. В багажнике они обнаруживают труп Мори – беззащитного старика связали и выпустили в него одиннадцать пуль из автомата. Там же лежит прокламация нового движения, которого до этого не было – террористической группировки «Красные бригады». Все это появляется в прессе, вызывая ужас и раскол в стране. Часть фрондерствующих интеллектуалов отрекается от левого движения и заявляет, что это уже слишком. Часть – заявляет, что давно следует перебить всех кровопийц, которые заигрались в политические игры и не прекращая воруют. В продаже появляются футболки с надписью Brigada Rosso, их расхватывают, как жареные пирожки в студенческом буфете. Король в шоке от случившегося – он понимает, что больше никому нельзя доверять, и что он может закончить свои дни так же, как Мори, в багажнике автомашины, изрешеченном пулями. Кризис в стране переходит в неуправляемую стадию.

Шестнадцатого июня восьмидесятого года Король вместе с его приближенными бежит в Милан, а оттуда – в Берн, Швейцария. Оттуда он объявляет, что ни в коем случае не отрекался от трона, а продолжает исполнять обязанности

главы государства. Но его уже мало кто слушает. В крупных городах Италии царит всеобщий хаос – на одной улице может идти ожесточенный бой, на другой – защитники свободы могут брататься с карабинерами и солдатами, перешедшими на сторону Временного правительства Джанлуиджи Косто. Косто – левацки настроенный профессор экономики, далеко не все в своей партии его признают, некоторые и вовсе называют его предателем, переметнувшимся на сторону денежных мешков – учитывая его публичные извинения за смерть Мори. Радикальные студенты призывают к продолжению революции и распространению революционного опыта на соседние страны. Появляются – «Красные бригады». Происшедшее сравнивают с освобождением Италии от французов в середине прошлого века, в то же время в Берлине «Ди Дойче Цайтунг» называет происходящее в Риме «угрозой всему цивилизованному миру». Итальянцы не реагируют – видимо, не понимают, насколько это опасно. Позднее происходящее на улицах получит название «Красное лето».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.